

Современные писатели России

Биобиблиографический указатель Вып. 6

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

Современные писатели России

*библиографический указатель
Вып. 6*

Благовещенск,
2021

Современные писатели России : библиограф. указ. / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. И. В. Трофимова. – Благовещенск, 2020. – Вып. 6. – 76 с.

Составитель: И. В. Трофимова
Ответственный за выпуск: Н. Г. Долгоруков
Компьютерная верстка: М. И. Гнускова

©Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
Лариса Геннадьевна Белоиван	5
Юрий Васильевич Буйда	21
Людмила Стефановна Петрушевская	37
Гузель Шамилевна Яхина	58

От составителя

Шестой выпуск биобиблиографического указателя «Современные писатели России», посвященный современной российской прозе, включает имена писателей, которые определяют сегодняшний литературный процесс. В существующих литературных рейтингах, на книжном рынке они являются лидерами, эти писатели озвучивают идеи, которые востребованы сегодня большинством читателей. Это Л. Белован, Ю. Буйда, Л. Петрушевская, Г. Яхина.

Материал в указателе расположен в алфавите фамилий авторов, каждая персоналия содержит краткую биографическую справку, обзор творчества, библиографию произведений и литературу о творчестве.

Лариса Геннадьевна Белоиван

Лора Белоиван – журналист, писатель и популярный блогер – ее посты на Facebook ежедневно читает более 43 тысяч подписчиков. Работала собственным корреспондентом РИА «Новости», публикует статьи и репортажи в ведущих СМИ («Новая газета», «Сноб»). Автор четырех книг, финалист Довлатовской премии, шортлистер премии «НОС».

Белоиван Лариса Геннадьевна – художник, писатель, директор Центра реабилитации морских млекопитающих. Родилась в Петропавловске на севере Казахстана. В школе любимым писателем был Виктор Конецкий. Под влиянием его произведений выбрала морскую профессию. Во Владивостоке закончила СПТУ №18 по специальности «бортпроводник на судах заграничного плавания». Устроилась на работу в Дальневосточное морское пароходство. Пять лет проработала судовой буфетчицей. Училась во Владивостокском университете, на факультетах журналистики и религиоведения, была корреспондентом в местном отделении ИТАР-ТАСС, собкором РИА «Новости» в Приморском крае, занималась разведением служебных собак породы тосаину, торговала бустилатом, стала художником и начала писать рассказы. Вместе с мужем создала во Владивостоке первый в России реабилитационный центр для раненых тюленей.

Сама Белоиван рассказывает, что впервые встретила одинокого детеныша тюлененка, когда гуляла с собакой. Случилось это во Владивостоке. Она его забрала домой, даже несмотря на то, что жила в то время в обычной городской квартире. Тюлененка пришлось держать прямо в ванной. Вскоре идеей по спасению морских млекопитающих загорелся и ее супруг. Вместе они переехали в поселок Тавричанка, где открыли специализированный «тюленьятник». Здесь они могли уже в соответствующих условиях выхаживать и спасти детенышей от гибели и болезней. Специальный реабилитационный центр они создали в 2007 году. Он работает до сих пор. Помощь в спасении морских млекопитающих супругам Белоиван оказывает дальневосточный институт биологии.

Карьера журналиста привлекала Лору Белоиван больше, чем работа в морском пароходстве. Еще учась на факультете журналистики, она начала активно сотрудничать с различными местными и федеральными изданиями. Белоиван начала писать, еще когда жила в городе Петропавловске. В 2006 году вышло ее первое крупное

произведение – «**Маленькая Хня**». Это сборник рассказов и повестей. Причем сразу стоит оговориться, что в рассказах и повестях автора много слов, которые часто называют непечатными. Но именно на таком языке разговаривают моряки, отправляющиеся в дальнее плавание. Они чаще всего становятся героями произведений Белоиван. В «Маленькой Хне» понимаешь, насколько разнообразен и безбрежен русский язык. Он так же безграничен, как Тихий океан. «Лора Белоиван - писательница отчаянная. И не потому, что отчаивается – она как раз не отчаивается никогда, а весело, отважно и дерзко встречает все удары судьбы – а потому что живет у моря-океана, в самом дальнем русском городе Владивостоке, среди портовых докеров и биржевых брокеров, потому что плавала по этому морю-океану, потому что ничего не боится – ни в жизни, ни в литературе, разве что летать на самолете», написано в аннотации к книге. Читать ее весело, легко, временами страшновато. Любителям очень изящной словесности, которые не часто слышат выражения моряков дальнего плавания, читать эту книжку не стоит. Шокированы могут быть. Ну а тем, кто любит живой русский язык, безбрежный, как Тихий океан, – рекомендуем.

Хорошая книжка получилась, и оставила приятное такое послевкусие: светлое, с оттенком грусти настроение. Впрочем, если вы не находите определенного очарования в дневниковой литературе, то читать ее не стоит. О своей жизни автор предпочла рассказывать именно в таком ключе – иронично высмеивая все, случившееся с ней, – и хорошее и плохое. А еще в книге есть один весьма колоритный персонаж – город В., (Владивосток), любовь автора к которому очень сложно не заметить. Таковую любовь, которая возможна только к провинциальным городам – с желанием вырваться из объятий и постоянным ощущением связывающей пуповины прожитых в нем лет. Да, в книге много нецензурных слов, но – ровно столько, сколько нужно. Поэтому стоит рассматривать ненормативную лексику данного текста исключительно с филологической точки зрения.

Ирония и легкость с которой автор описывает различные ситуации восхищает, у Белоиван потрясающее чувство юмора и свой неповторимый стиль... Что ещё можно добавить к сказанному, наверно, только несколько цитат из её книги:

«Несмотря ни на что, мы жили хорошо. Расползались на лето по разным комнатам и встречались зимой под одним одеялом. Десять лет мы жили хорошо, зимую в общей кровати, и наконец, выяснили: мы очень разные люди».

«Нас родили разные матери от очень разных отцов... Он упертый технарь, а я – свободного полета гуманитарий». Он не хочет признавать очевидных вещей, а говорит, что у меня едет крыша. Я отвечаю, что у него-то и ехать-то нечему. В общем, все смешалось в доме Об...»

«В двенадцать поняла, что красавицей мне не быть, так что надо попытаться хотя бы стать умницей. Для этого начала учить наизусть Энциклопедический словарь. Выучила все штаты США и поставила на себе крест».

«Невозможно было оставаться безучастной к Родине. Всякий раз, когда она сиротски мялась на лестнице, я была не в состоянии ее не удочерить: ведь если я откажусь, то она достанется кому-то другому, кто, может быть, в сто раз хуже меня. Так что пусть уж я».

«Скажи на милость: почему, если «подсознание», то обязательно «глубина»? У большинства людей оно мелкое, как кофейное блюдечко».

Невероятной легкости слог, самоирония без самолюбования – вот чего многим авторам не достает, когда обращаются к собственной биографии. А у Лоры Белоиван получилось. Книга с первой страницы возвращает читателя в периоды детства и юности, погружая ироничными фразами в то самое, забытое, скрываемое, тщательно припрятываемое ощущение собственного заветного пряничка. А потом смех тает и становится немного страшно. И немного больно. И поднимается сочувствие и сопереживание героине. Да мало ли что было в нашем детстве. Кому мы осмелимся рассказать без прикрас, как росли и взрослели, как влюблялись и ошибались, как натыкались на стену непонимания и неприятия окружающих.

У автора книги это все получилось. Лора не ставит себе задачу удивить читателя или насмешить. Она рассказывает так, как живет. Искренне, восторженно, не обманываясь в своих собственных убеждениях юности, находя в прошлом вехи важного и странички нежного, иронизируя над собой и окружающим миром. Описывая не обыденные вещи легким языком, с примесью «живой» портовой лексики, Лора заставляет поверить во все происходящее в книге безоговорочно и навсегда. Попробуйте на вкус эту смесь счастливого и грустного, осознанного и запретного. Вспомните, не случилось ли и в вашей жизни таких историй. Да что вспоминать. Наверняка были. Только к своим историям и своей жизни мы относимся менее требовательно, чем к другим. Или добавляем чуть больше пафоса.

В 2009 году вышел еще один сборник ее рассказов, который назывался «Пятьдесят первая зима Нафанаила Вилкина». Нафаня – это персонаж «по мотивам местного мужичка из небольшой деревни». У него есть прототип, но это совершенно не важно, его могло и не быть. Важно то, что Нафаня – удивительный рассказчик. Каждый его рассказ о своей жизни – как настоящая песня, дивная и прекрасная. Постепенно создавались эти «нафанины песни», и складывались удивительные тексты – одновременно смешные, жуткие, грустные и забавные. И вот, когда этих песен собралось достаточное количество, появилась книга.

Это очень простые, смешные и правдивые истории. Нафаня – бытописатель, певец и акын. В его песнях отразилось все, что не успело спрятаться от его зоркого глаза и чуткого уха. Нафаня тонко чувствует русский устный и русский матерный, поэтому перед тем, как взяться за его песни, убедитесь, что обценная лексика вас не оскорбляет и не шокирует. В своих рецензиях критики отмечают, что это забавные, простые и в то же время чрезвычайно правдивые истории. Нафаня – классический народный сказитель. В его эпических песнях отражается все интересное, что есть в окружающем нас мире.

В 2012 году писательница стала лауреатом престижной литературной премии «НОС». Это отечественная литературная премия, учрежденная известным бизнесменом и политиком Михаилом Прохоровым. Ежегодно ее вручают авторам, пишущим на русском языке. В шорт-лист премии попал сборник Белоиван «Карбид и амброзия». На этот раз текст содержал полтора десятка историй про конкретную русскую деревню – Южнорусское Овчарово.

Жители этой деревни – достаточно необычные люди. Вся их жизнь проходит рука об руку с рыбами. Их они ловят, гуляют над ними, постоянно думают о них или, наоборот, ничего не знают о рыбах. Это крайне необычные рассказы, но именно этим они так притягательны для читателя. К тому же оказывается, что рыбы в этой книге совсем ни при чем.

Еще одно ее произведение, **«Чемоданный роман»**, вышедшее в издательстве «Эксмо», было номинировано на премию Сергея Довлатова.

«Город моей мечты из него свалить. Если вы не знаете, где это, я вам расскажу и покажу пальцем на карте. Видите, вот здесь, вот он. Ниже. Правее. Еще правее и еще ниже. Видите, фига? Это и есть небольшой турецкий городишко В., расположенный в самом нижнем

правом углом геополитической карты Российской Федерации. Здесь вообще все по-турецки и сплошной обман: даже Новый год наступает не в полночь, как, например, в Мск или Спб, а на семь часов раньше. Говорят, все дело в расстояниях, но какой дурак поверит, что время от праздника до праздника измеряется километрами». Однако город В., не поддающийся уму, можно попробовать осознать аршином:... Лора Белоиван пишет о себе и о своей малой Родине. В городе В. узнается Владивосток. Биография у художницы, писательницы и основательницы реабилитационного центра «Тюлень» насыщена событиями. Чем только она не занималась, прежде чем нашла дело жизни: работала буфетчицей на судне, продавала обойный клей, писала статьи. Сегодня она рисует картины, ведет сетевой дневник, путешествует и помогает морским млекопитающим.

Критики отмечают ее стиль, слог и настроение, пронизывающее ее произведения. Нецензурная брань ничуть не смущает: разве русский человек может обходиться без острого словца и крепкого мата? Все – уместно и вовремя, что говорит об авторском таланте. Белоиван рассказывает про свою жизнь, стараясь не пропускать важные моменты, свой быт, простых людей, которые встречались на пути. В этом – соль ее книги.

«Летая напоследок над городом В., я чувствовала, как хочется ему спрятаться от холода. Свернуться в клубочек, уткнуться носом в хвост и спать. Спать, спать, спать, спать, и чтоб дымок из печных труб, и чтоб не трогал никто, а надо вытягиваться стрункой вдоль моря, скатываться с неудобных сопков мостами, развязками, крейсерами, спиной вверх, мордой вперед – и верить в свою похожесть на Сан-Франциско, который то ли есть, то нет его, и делать вид, делать вид, постоянно делать вид, что он, город В., такой мачо, такой самец-удалец, и домов с печным отоплением больше не увидеть за краснокирпичными крейсерами, за белыми крейсерами, за синими крейсерами, за мостами, под мостами, на сопках, под сопками - нету их. И черт с ними. Ненавижу город В.

Я ненавижу город В. до озноба, до тошноты, до неумения вдохнуть и невозможности выдохнуть – за все его свинство, прагматизм и псевдоромантику, за хамство, за барство, за бедность, за «терпеть не могу Москву и москвичей», за столб в девять тысяч километров, упирающийся мне в левый висок, за бл...во, за ханжество, за полжизни тут, за его никомуненужность, за свою никомуненужность, за суперживучесть его обитателей, за мокрое дыхание и сухие глаза, за

короткую память, за длинную память, за пароходы на рейде, за море, за сопки, за небо, за жизнерадостных дураков и злых гениев, укрепляющих столбы в девять тысяч километров, за спиленные деревья, за гордость, за убудочность, за дождливое лето и пронзительное солнце зимой, за его нелюбовь к себе, за его невероятное самолюбие, за предательство, за равнодушие, за глупость, за сентиментальность, за жадность, за постоянную, запредельную тоску в криках его птиц, за то, что так долго не могла собраться, потому что столб в девять тысяч километров о двух концах, потому что полжизни, потому что не верит ничему, потому что дождливое лето и неменяемое зимнее солнце с алмазными лучами, вспарывающими сетчатку сухих глаз, потому что море, сопки и небо, потому что не за, а вопреки, потому что – до озноба, до тошноты, до невозможности сделать вдох и неумения выдохнуть, потому что его птицы – мои птицы, его воздух – мой воздух, и мы никогда не сможем поделить совместное имущество, среди которого прозрачная, почти неразличимая на фоне северо-восточного ветра, такая дурацкая и такая тонкая пленка моей жизни».

Автору не изменяет чувство юмора. Местами грубовато, но есть очень точно. Например, вот: «Очень тоскливо было думать о самолетах. Обычно все девять часов перелета до Мск и столько же обратно я прислушиваюсь к гулу двигателей и умираю каждый раз, когда слышу в нем переходы на другую тональность. Весь перелет я упрашиваю Бога не ронять меня на землю, и остальные пассажиры даже не догадываются, что своей жизнью они обязаны моим волевым усилиям: это я всю дорогу удерживаю самолет в воздухе за подлокотники кресла».

В этот раз, как и всегда прежде, я держала самолет за кресло и умоляла Бога дать мне еще шанс. Я обещала бросить курить, перестать смотреть в интернете порнуху и прекратить жрать мясо в среду и пятницу. Я каялась в прежних и будущих грехах, клялась каждое воскресенье ходить на утреннюю службу, читать перед сном молитвослов и прощать должникам своим, которых у меня не было. Я вспоминала сделанные гадости и несделанные добряки и, глядя в глаза походному святителю Николаю, просила его замолвить за меня словечко. Я говорила Николаю: «Николушка, миленький, честное слово, я больше не буду, только скажи Богу, чтоб нормально посадил самолет». По трапу я спустилась другой личностью. Ясной, чистой и светлой. Как и полагается человеку, избежавшему гибели только чудом».

«Чемоданный роман» был номинирован в 2011 году на Довлатовскую премию. Думается, неслучайно номинировали главным образом за жанр «баек из жизни» и специфический вид юмора. Морской флот и все, что с ним связано дали нашей литературе большой поджанр – соленые морские байки. В диапазоне от Покровского до Веллера кто только не обращался к этой тематике – выходит почти всегда смешно и достойно. Книга Белоиван написана на материале Владивостока и, надо сказать, близость моря очень сказывается. Собственно, в книге есть и собственно морские байки и иные анекдотические истории с автором и ее близкими. Критики отмечают авторский слог, чувство меры (юмор, понятно, соленый; материться Белоиван умеет вкусно и к месту), компактность сборника. Каждая книжка такого рода неизбежно содержит истории проходные, менее смешные, а вот концентрат бульона в «романе» высочайший. Отдельного упоминания заслуживает байка о «Елене Педаясовне» и авторские разумные рассуждения о профессии журналиста в контексте разницы между простой продажностью и идейной. Все очень аргументированно и внятно изложено. Автор сама по себе сложилась чрезвычайно удачной, жизнелюбивой и нутряным юмором, а полученное филологическое образование лишь отшлифовало исходный самородок. Для легитимизации своей несколько непафосной баечной прозы Белоиван ввела обрамления в виде придуманных полетов с псом ну и снов, вполне, к слову занятных. К слову, «Чемоданный роман» нельзя назвать романом про город, но топонимика вполне означена и не так много у нас книжек помимо питерских с региональными четко выписанными декорациями.

Лора Белоиван живет в Приморском крае. Там она спасает тюленей и дельфинов (будучи директором Центра реабилитации морских млекопитающих). Там она пишет картины, на которых коты и рыбы похожи на людей с грустными лицами. Там она пишет тексты – смешные, хулиганские и лиричные, слегка взъерошенные и очень искренние. «Чемоданный роман», если коротко, это эпизоды из совместной жизни Лоры и «города моей мечты из него свалить». Ночами героиня летает над городом В., отрастив себе крылья и почти отрастив хвост. Днем – вписывается в странные работы, бродяжничает, паясничает, страдает, выпивает, болеет и радуется. Будничные события, которые другой человек поспешил бы забыть, Лора Белоиван раскрашивает бешеными красками и наделяет волшебной силой – силой снов и мечтаний. В крошечных мелочах жизни она обнару-

живает поэзию, и поэзию хорошую. Чем гаже на душе – тем выше полет над городом. Чем безвыходней ситуация, тем смешнее Лора о ней рассказывает.

Интонацию и лексику Лора Белоиван допускает всякую, в том числе смелую. Но проза ее притягивает не обаятельной разудалостью, а сочетанием качеств, которые не так уж часто уживаются в соседстве. Лора Белоиван не только остроумная, она еще и добрая. Не только хулиганистая, но также задумчивая и вдохновенная, окрыляющая не только сама себя, но и реальность, и город В., где хочется выть и летать одновременно.

Её книгу «Чемоданный роман», номинированную на Довлатовскую премию,

Александр Генис назвал единственной, которая понравилась бы самому Довлатову. Ее картины – или «пикчи», как прозаично именуется их автор, – охотно раскупают в частные коллекции по всему миру.

Очередной сборник рассказов **«Южнорусское Овчарово»** был опубликован в 2017 году, хотя он был написан ещё шесть лет назад. «Южнорусское Овчарово» – сборник, в которых литературная яркость удивительно сочетается с замечательной интонацией и прекрасным чувством юмора, – о жизни небольшого приморского поселка, где происходят необъяснимые события.

Место это странное и расположено черт знает где. Если поехать на север от Владивостока, и не обращать внимание на дорожные знаки и разметку, попадешь в деревню, где деревья ревнуют, мертвые работают, избы освещают тьмой, и филина не на кого оставить. Но это только кажется, что не каждый может проснуться среди чудес. На самом деле каждый именно это и делает, день за днем. Цикл «Южнорусское Овчарово» – еще один пример того, как русская провинция в современной литературе становится пространством чудес и превращений, в котором дома можно отапливать сгущенной тьмой, а бревно, которое вынесли волны на берег, может оказаться обломком волшебной палочки.

«Южнорусское Овчарово» – сборник рассказов, объединяющих удивительное место – деревню. Название книги – название деревни. Странной. Хотя все там очень логично, не подкопаешься к персонажам, они еще как реальные, хорошо слышен и шум прибоя и разные голоса жителей деревни, да и вообще все, чем они живут – очень даже обыденно и ясно. Но где-то в рассказе слова делают неувидимый финт и, ты уже вместе с героями рассуждаешь о том, как

лучше использовать сгущенную темноту, и как лучше ухаживать за русалкой в домашних условиях. Это особая реальность. Л. Белоиван не создала, как сейчас модно, новый мир, а всего лишь слегка одушевила вполне себе нормальные вещи. Надо с растениями разговаривать? Надо! Как размножаются в петле времени черные котята? Размножаются, потому что очень хотят выжить! А вы знаете, что русалка в воде и русалка на суше – две большие разницы!?! Существует ли смерть? Нет! Жизнь продолжается в другой форме, и заранее знать нам этого не дано, но бывают случаи...!

Азиатская часть России – а в особенности Дальний Восток – заселена так редко, что можно часами ехать из одного городишка в другой, не увидев живого человека. Именно там, к северу от Владивостока, на полуострове, с трех сторон омываемая Японским морем, Лора Белоиван поместила Южнорусское Овчарово, то ли наше собственное Макондо, то ли Твин Пикс (разве что подобродушнее), деревню, где все кружит и морочит, но все к этому как-то привыкли.

Южнорусское Овчарово, с одной стороны, находится буквально за углом, с другой – поди его отыщи («Деревня расположена всего лишь в семидесяти километрах от Владивостока, а большинство горожан уверено, что она черт знает где»). Так и «Южнорусское Овчарово» одновременно и с равным успехом попадает в жанр «магический реализм» и бежит от него. Книга начинается с совершенно сюрреалистичной истории про дядю Костика, который научился делать свет из тьмы (потому что его больше не из чего сделать, да) – и таких историй в ней полно. «Дед Костик, как и большинство местных, находился в давней оппозиции к компании «Дальэнерго». Враждебность жителей по отношению к энергетикам выразилась в том, что никто и никогда не оплачивал здесь счетов за электричество, полагая, что платить за некачественное, и к тому же, невидимое глазу фуфло не обязательно и даже глупо. Но однажды в канун зимы энергетика прислали счета с красной полосой, а затем, выждав короткое время, проехали по деревне на машине с подъемником и сняли со столбов все провода.

И Южнорусское Овчарово накрылось тьмой. Все, кроме подворья деда Костика. По вечерам у него были ярко освещены не только окна, но и амбразуры крольчатника и даже щели уборной. Деревня недоумевала, но не показывала виду. И тогда народ потянулся к деду Костику. Конечно, не сразу и не все, а по одному, по двое, по трое – люди приходили к нашему соседу, мялись у калитки, и дед Костик

выходил в валенках на босу ногу (если точнее, то был он одет в ромашковые трусы и в телогрейку нараспашку – так, что всем было видно худой седовласый торс). Полуголый старик, извиняясь за ромашки, жаловался односельчанам на жару, и те вопросительно глядели на старика, на распахнутые форточки его дома, на замерший буквой Х ветряк и на трубу, над которой уже давным-давно никто не замечал дыма.

Затем ходоки, переговорив с дедом, кивали и убирались восвояси, чтобы вскоре появиться вновь, неся в руках пустую кастрюлю или ведро – кому сколько было нужно, дед Костик не жадничал. Он брал тару, заходил с нею в сарай и затем выносил обратно, явно потяжелевшую и уже обвязанную сверху тряпицей. Когда паломничество к деду сделалось массовым, он попросил приходить к нему с ведрами из-под корейской штукатурной мастики: во-первых, они большие и, значит, не надо приходить второй раз, во-вторых, потому что корейские ведра плотно закрываются пластиковыми крышками, и в этом случае деду Костику не нужно было морочиться с полотенцами и скотчем.

Дед Костик раздавал людям сгущенную темноту – или, как он ее называл, «ночную сгущенку». Самое примечательное, что жители Южнорусского Овчарова, даже перейдя на этот альтернативный источник освещения и обогрева, пользуясь им направо и налево и вообще, зажив припеваючи – так и не поняли, каким образом все это дело работало. Просто все без исключения убедились в эффективности сгущенной темноты, не пытаясь проникнуть в природу превращения ночной сгущенки в электричество».

Так Южнорусского Овчарова и перешло на самодельное электричество. Ведь к ведру ночной сгущенки можно было подключить хоть сто электробойлеров, и все стали жить хорошо и очень экологически чисто. «Готовую сгущенку дед хранил в желтой полуцистерне с надписью «КВАС». Даже от пластикового ведра с ночной сгущенкой тянуло такой мощью, что усомниться в потенциальных ее возможностях никому не пришло бы в голову. Что касается квасной бочки, то рядом с ней мог находиться только сам дед Костик – никто, кроме него, не умел вытерпеть ни секунды подле емкости с тысячей литров ночного концентрата. Выстоять возле бочки, от которой несло ночным кошмаром в энной степени, не смог ни один доброволец, так что деловитое спокойствие деда Костика навевало мысли о том, что он водится с сатаной. Стали поговаривать, что дед Ко-

стик и вправду непростой старик, хотя доказательств против него ни у кого не было. Только за... Рвануло ближе к апрелю...».

И эта и другие иные новеллы сборника предельно реалистичны – насколько реалистична сама жизнь в дальневосточной деревеньке. А если и случается что-то странное, то и оно не удивляет: ну закукарекали петухи по-английски, ну выбросило русалку на берег – ну делов-то. Как и любая книга, особенно магически-реалистичная, «Южнорусское Овчарово» показывает обыденность чуда и чудность обыденного – за это, в общем, Лору Белоиван и любим. Черета более или менее абсурдных баек, рассказанных о странной приморской деревне переселившейся туда горожанкой. Понятно, что деревенская жизнь для городского невероятна, местные типы один чуднее другого, и небылицы сами собой рождаются из окружающего сельского идиотизма и необыкновенных красот. По части художественной прозы Лора Белоиван на сегодняшний день одна из лучших.

Да и абсурд по большей части очень жизнеподобный, с каким каждый не раз сталкивался. Фантастики, как мы ее понимаем, тут нет никакой, только вдохновенные враки, преувеличения, субъективизм и поражающие воображение зарисовки с натуры. На обложке «Овчарово» приводится цитата критика Ольги Лебедушкиной: «Цикл «Южнорусское Овчарово» – еще один пример того, как русская провинция в современной литературе становится пространством чудес и превращений...». Рассказы подаются как жизненные заметки и наблюдения и поэтому в них нет особого сюжета – чудеса просто сыплются как из мешка. У Лоры Белоиван отказ от объяснений фантастического есть инструмент управления читательским вниманием.

Приморская деревня стала заветным местом особого значения: сюда приходят отлежаться затонувшие иномарки, усталые подлодки и аварийные Су-27, отсюда все ямы ведут в Иерусалим, а колодцы – в Англию, здесь потерявшихся людей выводит с кладбища лично Франциск Ассизский, деловитые бизнесвумен выпивают растерянных мертвецов свекольным соком, обгоревшие доски над чердаком оказываются чудотворной проекцией созвездия Большой Медведицы, – и здесь хороший человек обязательно найдет себе если не счастье, то покой.

Рассказы Белоиван при всей их злободневности и литературном изяществе выглядят народными байками, собранными умным и умелым фольклористом, они любопытны, добры и уютны почти – не-

частая ценность по нашим временам. Книга пропитана русским магическим провинциальным реализмом. Это сочетание интересное и немного безумное. Чтобы попасть в загадочное Южнорусское Овчарово, нужно сначала заблудиться. Так и с самой книгой: чтобы проникнуться этой атмосферой, нужно позволить себе расслабиться и погрузиться в этот странный, сумасшедший мир.

В книге описывается быт и жизнь деревни у моря то ли забытой богом, то ли наоборот бережно им укрытой от нашего обычного, стремительного течения жизни. Там повсюду происходят искажения пространства и времени, странности и чудеса воспринимаются местными жителями как часть их обыденного уклада. Иногда автор использует ненормативную лексику, но в тексте выглядит вполне органично. Книга состоит из рассказов о некоторых жителях этой деревни и происходящих в ней событиях. Какой-то главной сюжетной линии нет, все нити переплетаются и образуют цельное полотно повествования. В то же время, это книга без начала и без конца. С последними страницами овчаровское очарование рассеется, как обрывки сна.

Мы видим выразительную картину деревенской жизни. Поэтому и обитатели несуществующего Овчарова кажутся такими живыми, такими реальными. Дед Костик, продавщица Марина Владимировна, сумасшедший учитель английского – все они поначалу являются частью тоскливой и предсказуемой повседневности. А затем вдруг начинают происходить чудеса: оживают мертвецы, выбрасываются на берег русалки, а чердаки разговаривают с владельцами домов.

Язык повествования очень поэтичен – настолько красивый язык, что даже «скучные» описания природы читать нескучно:

«Белые раковины устилают пляж полуметровым слоем. Слой очень плотный, улежавшийся, хорошо связанный армированной сеткой из длинных бурых водорослей и ламинарии. Гниющие водоросли пахнут ветеринарной аптекой, а раковины – задворками рыбного базара. Эти два запаха, слитые в один флакон, образуют самый восхитительный аромат, какой только создавала парфюмерная фабрика «Всякое дыхание да хвалит Господа». Дыхание моря хвалит Господа куда лучше всяких прочих дыханий. Понятно: научилось за столько лет. Если подойти к морю поближе, встать лицом к лицу, закрыть глаза – и – вдох, и – выдох, – можно почувствовать на своем затылке небесную длань. Заметили. Погладили по голове. Можно жить дальше. А без моря совсем никак. Просто дышать нечем».

«Под вечер наконец дождь прекратился, и в наглухо застегнутом небе образовалось окно, в которое еще успел вырваться отчаянный, последний луч уходящего солнца. Он с разбегу ударился о край фиолетовой тучи и стек на сады. Верхушки деревьев тут же вспыхнули сусальным золотом, а лопухи у черного афанасьевского забора сделались бронзовыми и торжественными, как памятники великим русским писателям. Под писателями бродили жабы, незаметно для человеческого глаза выхватывая из эфира ужин».

«Это случилось очень неожиданно. Еще накануне вечером было минус десять, и сугробы – хоть и потемневшие от невзгод, но еще вполне рабочие – достигали кое-где середины заборов. А к утру, когда только-только начали зажигаться самые ранние окна, весна уже доедала последний снег. К рассвету с ним было покончено, даже объедков не осталось. Над землей парило. Деревья и дома стояли мокрые и голые, а на дорогах воцарилась срань господня – та самая, великая и ужасная срань, что служит у нас признаком пробуждения природы».

«Внезапно, как будто пугаясь высоты, деревня отбегает в лес, уступая место легкомысленному березняку, дубам и соснам. Березы и сосны служат отвлекающим фактором, а все тяготы общения с тайфунами берут на себя дубы. Это специальные, прирученные дубы».

Автор с любовью и нежностью относится к своим героям, ведь, несмотря на все странности и недостатки, они добрые и очень простые. В маленьком затерянном для остальных мире во всем чувствуется жизнь и неугасающая надежда: деревья и животные обретают душу, люди находят таинственные острова, электричество получают из черной материи. После знакомства с событиями, происходящими в Овчарове, хочется перенестись в полузаброшенную деревню, изучить каждый ее уголок и хотя бы одним глазком взглянуть на обитателей, забавных и чудных, которые своим существованием придают смысл этой невероятной истории.

«PS. ОАО «Дальэнерго» больше никогда не приезжало в нашу деревню снимать провода. Даже после того, как здесь – после исчезновения деда Костика – наскоро построили новую подстанцию и по проводам побежало нормальное привычное электричество. Дело в том, что за него по-прежнему никто не платил. Однако санкций не последовало. Объясняется это просто: на центральном въезде в деревню кто-то внес исправление в дорожный знак, оповещающий путников о том, что они прибыли в населенный пункт «Южнорусское

Овчарово». Поправка – в виде красной полосы из угла в угол знака – гласит, что деревня Южнорусское Овчарово осталась позади. К нам действительно не всякий может добраться».

Произведения Лоры Белоиван

Белоиван, Л. Карбид и амброзия : рассказы / Л. Белоиван. – Москва : Гиперион Бук, 2006. – 216 с. – SBN 978–9984–7. – Текст (визуальный) непосредственный.

Белоиван, Л. Маленькая Хня : роман / Л. Белоиван. – Москва : Геликон Плюс, 2006. – 273 с. – ISBN 5–93682–301–8. – Текст (визуальный) непосредственный. – Текст (визуальный) непосредственный.

«В то время как важнейшим из искусств являются суши и Мураками, в воздухе мерзко пахнет японской кухней и японской поэзией». Читать книгу весело, временами страшно. Любителям очень изящной словесности, которые не часто слышат выражения моряков дальнего плавания, читать эту книжку не советуем. Шокированы могут быть. Ну а тем, кто любит живой русский язык, безбрежный, как Тихий океан, – рекомендуем.

Белоиван, Л. Пятьдесят первая зима Нафанаила Вилкина : рассказы / Л. Белоиван. – Москва : CheBuk, 2009. – 101 с. – ISBN 978–5–9689–0175–0. – Текст (визуальный) непосредственный.

Белоиван, Л. Чемоданный роман / Л. Белоиван. – Москва : Эксмо, 2012. – 122 с. – ISBN 978–5–699–55398–3. – Текст (визуальный) непосредственный.

Книга «Чемоданный роман» Белоиван Лора относится к разряду тех, которые стоит прочитать. Сюжет разворачивается в живописном месте, которое легко ложится в основу и становится практически родным и словно знакомым с детства. Что ни говори, а все-таки есть некая изюминка, которая выделяет данное произведение среди множества подобного рода и жанра.

Белоиван, Л. Южнорусское Овчарово : рассказы / Л. Белоиван. – Москва : Livebook, 2017. – 368 с. – Текст (визуальный) непосредственный.

Когда читаешь «Чемоданный роман», вспоминаются уездные города Салтыкова-Щедрина, расположенные, как и Южнорусское Овчарово, по дороге между обычным миром и страной привычной, обыденной небывальщины. Вроде русалок и леших, или честных чиновников. И населяют городок, кажется, люди, как люди, а не совсем – «одни странные, а остальные странноватые». Из детских страшилок, гоголевской мистики, сказочных чудес и деревенских легенд кудесница Белоиван соткала прекрасное кружево, в узор которого вплела и затейливые метафоры, и крепкое слово деревенского жителя. Здесь русалки питаются морской пеной, мертвые работают на огороде, избы освещаются вырабатываемой из тьмы сгущенной, а вынесенное на берег бревно оказывается обломком волшебной палочки. Деревня Южнорусское Овчарово находится в семи-десяти километрах от Владивостока, но каждому понятно, что эти странности могут происходить в любой деревушке нашей необъятной России.

Литература о жизни и творчестве Лоры Белоиван

Багдасарян, О. Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы («Южнорусское Овчарово» Л. Белоиван) / О. Ю. Багдасарян. – Текст (визуальный) электронный // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков : направления и течения. – 2020. – № 1. – С. 161–172. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43775703> (дата обращения: 22.03.2021).

Рассматривается образ деревни в цикле рассказов Л. Белоиван «Южнорусское Овчарово» (2017). Основанные на языковых, литературных и фольклорно-мифологических прообразах, «овчаровские сюжеты» формируют взгляд на локус как на лиминальное пространство. Свойственные образу Овчарова нестабильность, антииерархичность, парадоксальность, наполненность цикла мотивами творчества, власти слова, а также финальная рефлексия персонажа-автора о собственной свободе смещают внимание с результата творчества (завершенности художественного мира) на сам процесс создания произведения и позволяет охарактеризовать хронотоп книги как «творческий». Образ Южнорусского Овчарова прочитывается как ироническое переосмысление типажей и моделей, которые внесла в отечественную литературу «деревенская проза»: «чуждачества» шукинских героев здесь откликаются настоящими

чудесами, обещанная «деревенщиками» смерть русской деревни воплощается в сюжетах взаимодействия\общения с мертвецами, укорененность деревенского уклада в народном прошлом трансформирована в абсурдно-игровое соединение современности и архаики. В созданном Л. Белоиван образе мира идея писателей-деревенщиков о значимости традиции переосмысливается и заменяется идеей индивидуальной творческой свободы, а пространство деревни становится метафорой самореализации художника.

Островская, Н. Спаси и отпусти: корреспондент «Родины» увидел, как спасенные от смерти тюлени возвращаются в море / Н. Островская. – Текст (визуальный) непосредственный // Родина. – 2018. – № 8. – С. 82–85 .

О работе Центра реабилитации морских млекопитающих «Тюлень» Лоры Белоиван.

Черепанова, А. С. Сюжетный пласт в цикле рассказов Лоры Белоиван «Южнорусское Овчарово» / А. С. Черепанова. – Текст (визуальный) электронный // Актуальные проблемы филологии. 2020. – № 20. – С. 168–175. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44254643> (дата обращения: 22.03.2021).

Рассматриваются сюжетах рассказов, составляющих единый цикл «Южнорусское Овчарово». Дается классификация основных типов сюжетов, сравниваемая с композиционными элементами волшебной сказки по В. Я. Проппу. Особое внимание уделяется повторяющимся сюжетным ситуациям, на результатах анализа которых сделан вывод об их общем смысловом значении для всего цикла, а также об их роли в построении образа провинции.

Юрий Васильевич Буйда

Юрий Буйда начинал свою деятельность в качестве корреспондента в Калининграде. В 1991 году Юрий Васильевич переехал в Москву, работал в «Российской газете», в «Независимой газете», в популярных журналах «Знамя» и «Новое время». Был обозревателем «Известий». После этого стал редактором издательского дома «Коммерсантъ».

В начале 90-х годов Буйда попробовал себя в серьезной литературе, опубликовав ряд прозаических произведений. В своих книгах Буйда создает живую реальность и погружает в нее читателя. Вышедший в издательстве «Новое литературное обозрение» сборник рассказов писателя «Прусская невеста» критики расценивают как обращение автора к большой русской литературе. Произведения Юрия Васильевича возвращают заинтересованному читателю атмосферу того размеренного, спокойного, вдумчивого чтения, которое заставляет вспомнить докомпьютерное время.

Книги Буйды – это добротная проза о самых обыкновенных людях. Обладая житейским опытом, автор дает читателю понять, что «поверхность» человеческой природы может быть обманчивой. За внешними покровами личности скрываются тайна, любовь и страсть, безумие и стремление к счастью, преступные помыслы и светлая мечта. Автор не выдумывает характеры своих героев, он высвечивает существо их жизни. В одном из интервью Буйда сказал, что «жизнь – это проза об обыкновенных людях».

Творчество Буйды отмечено престижными премиями журналов «Знамя», «Октябрь». За книгу «Прусская невеста» автор удостоен также премии имени Аполлона Григорьева. Произведения Буйды «Прусская невеста» и «Дон Домино» входили в шорт-листы Буковской премии. В 2013 году за книгу «Вор, шпион и убийца» писатель получил третью премию в рамках проекта «Большая книга». Книги Юрия Буйды выходят в свет в Великобритании, Франции, Польше, Венгрии, Эстонии, Норвегии, Испании, Словакии и Турции. Некоторые из его литературных зарисовок легли в основу спектаклей столичного театра Et cetera и калининградского «Театра D».

Расширенная чуть ли не в два раза книга 1998 года **«Прусская невеста»**, получившая в этом новом издании название «Все проплывающие», не скромничая, встает в ряд книг, творящих литературные земли. Сотворенные земли, как это принято в географии, получают

имена своих создателей и отныне зовутся двойными именами: Маккондо Маркеса, Одесса Бабеля, Чегем Искандера. Так Велуа/Знаменск Буйды. Последний случай, впрочем, особый. Восточная Пруссия – земля завоеванная, присвоенная победителями, изгнавшими коренное население. У любой победы есть не только светлые, но и темные стороны, и все же она – Победа. Но воображаемая граница с юности не дает автору покоя. С одной стороны от нее – многовековая история, битвы и предательство, союзы и распри королей; темные мифы язычества, превратившиеся в преданиях крестоносцев в борьбу с жуткими творениями сатаны, ящерами и полуптицами-полузмеями, наполняющими земли Восточной Пруссии. С другой – победители, пришедшие после войны на эти земли. А вместе с ними – переселенцы, порой – жертвы режима, порой же – всякий сброд, «беспричинные люди», не помнящие корней и родства. Вернуть эту землю к жизни – причудить ее к себе, к новым жильцам – можно, только начав все с нуля. То есть дать сперва мертвой воды, чтобы тело срослось и раны затянулись. А затем – живой, чтобы сказочный богатырь встал.

В аннотации к циклу рассказов «Прусская невеста» сообщается, что произведение «можно рассматривать как роман в новеллах». Объединяет рассказы в книгу и место действия – городок в бывшей Восточной Пруссии, нынешней «нашей» Калининградской области (кстати, Буйда уроженец такого городка), и герои книги, перекочевывают из рассказа в рассказ, побывав главными в каком-нибудь одном.

В центре внимания рассказа «**Ева Ева**» женщина, деформированная войной. Мирная жизнь оказалась сложнее военной, где все по правилам, стабильно. Мы видим явную переключку с рассказом Алексея Толстого «Гадюка», где женщина не смогла приспособиться к послевоенной обстановке. В рассказе «Ева Ева» исстрадавшийся, скукоженный, обгорелый, городок с появлением Евы ожил. Вдруг пышно зацвели яблони и каштаны, вернулись птицы. Златоглазая красавица, магнитная женщина вызывает у всех предчувствие и ощущение щедрой любви и неисчерпаемого счастья. Переселенка, дома нет, приехала одна без мужа и детей. Ева – женщина, «при взгляде на которую тотчас свихивались все существа мужского пола». Ее расположения добивались генералы и солдаты, офицеры и интенданты всех родов войск, расположенных в городке. А Ева стала жить с немым Гансом. С этим недотепистым длинноруким парнем, над которым посмеивались даже немцы. В детдоме он исполнял обязан-

ности сторожа, истопника, садовника и скотника. Это ее «неправильное», необычное поведение вызывает изумление, возмущение городка, остракизм и, как следствие, гибель героини.

Главная героиня повествования «**Нора Крамер**», талантливая провинциалка, решившая во что бы то ни стало стать великой актрисой, в девяностые и нулевые многому научилась в Москве. Она «умела так приготовить куриную ногу, чтобы ее хватило на три дня. Пить спирт не закусывая. Перелицовывать старую одежду, превращая ее в модные шмотки. Ходить на руках. Маскировать выбитый зуб жевательной резинкой. Терпеть голод и холод. Не плакать, когда хотелось плакать. Брить ноги спичкой. Варить суп из сникерса. Потом она научилась танцевать стриптиз. Запоминать тридцать-сорок страниц текста с первого раза. Говорить по-английски. Как и все в те годы, она пережила самые страшные испытания – испытания свободой и деньгами, все выдержала, добилась своего и стала звездой русского театра, заплатив за это цену, которую можно считать и непомерной, и естественной.

У каждого из героев автора есть своя отличительная черта – огнеопасная улыбка Марины, из-за которой ее отец держит на всякий случай под рукой два огнетушителя, нога Ванды Банды, «благоухающая как триста тридцать три роскошных августовских сада, плодоносящих в том краю, которого могут достигнуть лишь сердце, смерть и любовь», воротник из неведомого зверя на пальто старухи Буянихи, за которой всегда остается последнее слово».

Разная степень необычности героев автора обусловлена их особыми отношениями с жизнью, тем, что они не хотят и не могут «тратить золото бытия на медь быта», оттого и кажутся удивительными их слова и поступки. Автор сначала удивляет, затем увлекает и заставляет задуматься и оказывается, что «ничего загадочного тут нет. Все эти кислоты и щелочи Господни – страх, стыд, чувство вины – растворены в плазме нашей крови и так же необходимы здоровой душе, как альбумины, глобулины и фибриногены – здоровому телу. Только-то и всего».

Особые отношения у героев и со смертью – они как-то умудряются уходить от нее прямо в вечность или превращать ее в жизнь, как старуха Це-Це из одно-именного рассказа, встретившая известие о скорой смерти новой причудой – пусканием мыльных пузырей. Иногда это так важно и одновременно невероятно сложно – научиться пускать мыльные пузыри, красоту которых способна оценить да-

же смерть. «Вопреки предсказанию доктора Шеберстова старуха Цеце прожила много лет. Проходя мимо ее домика, люди привычно спрашивали: «Ну что, все помираешь?» И Цецилия, днями сидевшая у распахнутого окошка, привычно же и даже почти беззлобно отвечала: «Да вот помираю. Смерть стала ее жизнью».

Именно рассказы и делают реальным мир, в котором живут их герои, и который уже ни с чем не перепутаешь. Самобытные и удивительные они узнаваемы с первых фраз. Эти фразы хочется читать снова и снова, так они метафоричны и так тщательно подобраны в них слова – «наверное, иногда надо поджечь весь мир, чтобы осветить хотя бы одно сердце», «люди плохо спали и видели только чужие сны».

Если другие авторы порой растягивают рассказ до размеров романа, то Буйда безжалостно отсекает все лишнее, сжимая пространство рассказа до предела и оставляя только самую суть. Здесь важно не только что говорит автор, но и как он это делает. А он скорее не описывает, а колдует, умело превращая слово в Слово и оттого, при кажущейся простоте, его рассказы требуют душевного напряжения и вдумчивого чтения – только тогда становится понятен вопрос еще одного героя этой книги, доктора Шеберстова: «И как же ты отделишь слово от жизни?».

В сборнике «Все проплывающие» Буйда берет 60-е годы, улицу своего детства, вернее, поселковый квартал, «Семерку», и начинает тянуть нить: от одного двора – к другому, от одного «беспричинного» человека – к другому, от одного пришельца – к другому. Всякий рассказ – часть романа. Все связаны друг с другом, все цепляются один за другого, но все они герои мифа, и вовсе не те, кем кажутся на первый взгляд. Они должны скрепить разрозненные куски своей новой земли собственной любовью и собственной смертью. Поэтому у каждого поселкового алкоголика в нужный момент, как у Богородицы из апокрифа, может вырасти третья рука. Поэтому среди них попадаются странные создания: кто на одной ноге, которая и не левая и не правая, но способна перепрыгнуть через железнодорожный состав; кто неожиданно для сабутьльников отрывается от земли и перемещается по воздуху. Гости из иных краев внезапно, повинувшись некоему зову, сходят с поезда и остаются навсегда. А иные и вовсе въезжают в город на быке с золотыми рогами в сопровождении льва. Любви в книге Буйды много, как и во всех его книгах, – любви страстной, плотской, гипертрофированной, от которой закипают воды двух рек горо-

да – Лавы и Преголи; любви, не ведающей преград, а зачастую не признающей и родственных отношений. Но главное, чем скрепляют куски земли в этой книге, все же смерть, чаще всего трагическая, нелепая, внешне бессмысленная. Герой не погиб в первой новелле? Значит, погибнет в следующей. Следуя по цепочке смертей, понимаешь: эти люди должны умереть именно здесь, превратиться в свою новую родину, «пресуществиться». Они умрут – и в памяти мальчика в очках, будущего редактора районной газеты, а затем писателя и столичного жителя, сохранятся своими кличками, своими подвигами, а затем перейдут в нашу память уже на ином, мифологическом, уровне.

Роман «Синяя кровь» Юрия Буйды – книга о жизненном пути Валентины Караваевой (в книге она – Ида Змойро), актрисы советских времен, которая сыграла главную роль в фильме «Машенька». Если сравнивать с автобиографией или просто с общеизвестными фактами из жизни Караваевой, то книга это сильно переиначенный рассказ, с вольными добавлениями, или как еще говорят, приукрашенный личным отношением автора к актрисе. В общий узор из драматичных вех биографии автор добавляет в повествование магический реализм. Благодаря этому книга воспринимается именно как художественное произведение, а не биография с сухим перечислением фактов. Устами Алеши Пятницкого – рассказчика в романе, Юрий Буйда много размышляет об актерском ремесле, о сути этой профессии, и приходит к печальному (хоть и не новому) выводу, что актерство это сплошные маски и одиночество. А в жилах человека отмеченного знаком таланта течет Синяя кровь. Именно таким человеком и являлась Валентина Караваева. В романе кольцевая композиция: идентичное начало и конец. Книга начинается с описания исчезновения детей в вымышленном городке Чудов, этим и заканчивается (куда и почему исчезали дети, читатель узнает в самом конце). Город, надо сказать, свое название оправдывает. Населяют его сплошь неординарные персонажи, а события, которые в этом городе происходят, носят абсурдный характер: знахарка Свинина Ивановна, Забей Иванович, алкоголик Люминий, командир Первого красногвардейского батальона имени Иисуса Христа Назорьянина, и его жена Лошадка.

Горячая красная кровь кружит голову, порождает образы и идеи, а иногда до-водит до безумия. Синяя же кровь – это выдержка, это расчет, это мастерство, это то, что заставляет художника критически

взглянуть на его создание, убрать лишнее и добавить необходимое. Синяя кровь – это то, что дает художнику власть над зрителем или читателем.

В небольшом городке Чудово живет Ида Змойро – бывшая звезда экрана, ныне забытая и живущая самой обычной жизнью. Днем – занятия в театральном кружке, прогулки по лесу, а по вечерам – включенная кинокамера, перед которой Ида играет Нину Заречную или леди Макбет. Играет для одного-единственного зрителя, не считывая на успех и признание. Но ей еще предстоит сыграть свою последнюю роль.

За каждую улыбку судьбы Иде приходилось расплачиваться, «но если ее пытались жалеть, называли бедной и несчастной, Ида отвечала с ледяной усмешкой: «От счастья толстеют». «Гордо вскинутый подбородок, твердый взгляд, ясный ум» – такой ее каждый день видят горожане. Но жители городка, обладающие самыми разнообразными сведениями и, кажется, знающие все друг о друге и многих других вещах: «Что хозяйка ресторана Малина подмешивает в самогон куриный помет. Что директриса школы Цикута Львовна во сне ругается, как пьяный сапожник. Что Анна Ахматова никогда не писала стихов, потому что всю жизнь торговала селедкой в Каменных Корпусах... Что водку делают из бензина. Что русалки не курят. Что солнце встает на востоке, а садится где надо», почти ничего не знают об Иде. Эта книга – попытка разгадать тайну ее жизни.

Ничего особенного Ида Змойро вроде бы не делает. Но ее бездеятельность сродни бездеятельности лентяя из одноименного рассказа Житинского, который целыми днями только и делал, что подпирал стену в коридоре. Как только его уволили – стена рухнула. Правда, если уж говорить о метафорах, то Ида не подпирает стенки, она забивает гвозди, потому что верит, что «если гвоздь забит правильно, то Бог существует и мир может быть спасен». И как-то так получается, что именно на этих гвоздях висели самые яркие картины из жизни города Чудова. Сравнение с живописью не случайно, автор пишет, как рисует, в его текстах гармонично сочетается образность, яркая картинка и такое же содержание: «Россия такая огромная страна, что будущего в ней всегда больше, чем прошлого», «вот, оказывается, что такое любовь. Она не умирает – она истаивает, растворяясь в мире».

Ида Змойро – главная, но не единственная героиня этой книги. Целая галерея персонажей проходит перед нами, но центральная

идея книги – что «власть над сердцами требует силы, особой силы» и чаще всего ей обладают люди с синей кровью, которая, по мнению автора, обязательно присутствует как у всех творческих людей, так и у всех, кто обладает «властью над сердцами». Т. е. и Пушкин и Сталин – люди с синей кровью, только количество этой крови у них разное. Когда Иду спрашивают, что она делала все это время в Чудове, она отвечает– «Я ни с кем не боролась – я просто стояла на своем». Подводя итог, можно сказать, что книга о вполне обычных с виду людях, которые обладают гордостью, чувством собственного достоинства и каплей синей крови, и поэтому умеют «зажигать звезды в пустоте».

Всю свою долгую жизнь Ида прожила в заколдованном пространстве, названным автором городом Чудовым: заколдованном и в силу полной ирреальности происходящего в нем, и в силу того, что она так и не смогла оттуда вырваться. Становилась – ненадолго – культовой советской актрисой, получала Сталинскую премию, сбегала на Запад, меняла мужа – английского аристократа – на мужа – генерала МГБ, была лучшей Ниной Заречной на московской сцене – и лишалась театра навсегда, – но снова и снова возвращалась в этот затерянный среди болот городишко, в этот старый перенаселенный дом, прозванный «Африкой», в это советское зазеркалье. В котором причудливо отражалось все – от торговых путей в Индию за пушкинскими «лимоном и лавром» до ГУЛАГовских строек и гигантских статуй Сталина. Нельзя даже точно сказать, кем была окружена Ида на протяжении этого долгого пути, кто были ей все эти странные люди, кочующие из «Синей крови» в «Жунгли» и обратно: соседи?.. Тени предков?.. Прочитав книги и смахнув наваждение, трудно впоследствии провести границы между романом об Иде и рассказами о пространстве, ее окружавшем.

Главный герой романа «**Третье сердце**» Юрия Буйды порнограф, убийца и педофил, в течение всего повествования испытывает очень тяжкие муки от чувства вины за прошлые проступки военных лет, и пытается найти оправдание себе, не прекращая совершать аморальных поступков. Главная героиня тоже убийца, мало-летняя проститутка, прожженная до мозга костей, наивно верит в осуществление несбыточной мечты и готова идти на все для ее достижения.

Книге предшествует пролог «Охота на Мерзавра». Мерзавр – это зверь сочетающий в себе святость и мерзость. Каждый из нас в одиночку оказывается перед этим зверем, и должен принять бой

один на один. Великие русские писатели, фило-софы, богословы принимали вызов, только зверя называли по-разному: Чехов – выдавливанием из себя раба, Достоевский – смирением гордыни, богословы – покаянием... Выигрывали и проигрывали свои битвы...

А потом пять глав, первая из которых символично называется «Щина» – достоевщина, обломовщина, толстовщина... Мы так подвержены идеям, так верим литературе, как ни один из народов мира. Поэтому вместо «измов» у нас «щина». Все главы интересные и информативные одновременно. По страницам щедро рас-сыпаны цитаты на писателей и философов: и Пушкин, и Бердяев, и Ницше, и Достоевский, и Чехов, и Набоков... Жизнь есть рассказ. Во всяком случае, в России, где столетиями слово почиталось как Слово.

Как это всегда бывает у Юрия Буйды, в горячей эмали одного жанра запекаются цветными вкраплениями примеси жанров других. Так и в этот раз в его новой книге редкий в русской прозе плутовской роман обретает у автора и черты романа воспитания, и метаромана, и мемуарно-биографической прозы. В центре повествования «Стален» – Стален Игруев, «угловой жилец и в жизни, и в литературе». Талантливый провинциал, приезжающий в Москву за славой, циничный эротоман, сохраняющий верность единственной женщине, писатель, стремящийся оставаться твердо в потоке жизни, в общем, типичный русский человек, живущий в горящем доме. Его путь – это цепочка встреч и расставаний, впрочем, как у всех. Но у Игруева – не как у всех. И его самобытность, и те женщины, что втягивали его в свой круговорот жизни, и те воронки времени, в которые он попадал, – из разряда особенных. Как и его имя.

В новом произведении Юрий Буйда смело и подчас залихватски использует приемы плутовского романа. Повествование ведется от лица писателя-неудачника Сталена Игруева, жизнь которого изобилует событиями из дешевого азиатского боевика. События эти такие же искусственные, как и имя главного героя. Но даже такая искусственность не умаляет достоинства книги, в которой нет-нет да и проявляется нечто интеллектуальное, дискуссионное и актуальное.

«Стален» цементирует миф о лихих 1990-х. Бандиты наживают состояния и становятся олигархами, провинция и интеллигенция умирают от голода, доживают свой век партийные бонзы («важные чиновники», в переводе на литературный язык), женщины влюбляются, некоторые из них продаются. Напичканный перестрелками, случайным сексом и еще много чем, винегрет этот отдает кислинкой

— уже было, уже читали: очередное сочетание интеллектуальной прозы и смакования чернухи поднадоело. Тем более что лирические отступления автора и его героев, пожалуй, самое интересное в романе. Но Юрий Буйда выдает точные, остроумные и хлесткие характеристики стране, людям, явлениям – социальным, общественным, политическим.

Люди, воспитанные в царской России, все эти адвокаты, офицеры, профессора, журналисты, священники, учившиеся в старых университетах, поклонники Толстого, Фета и Чайковского, без видимых терзаний стали палачами, безжалостными людоедами, а их дети и внуки, выросшие в новой среде, в советских университетах, все это спустили на тормозах, а потом и вовсе прикрыли проект СССР. Ирония истории... Эти отступления скрепляют несколько хаотичное и шумное повествование о похождениях Сталена Игруева, которое иногда напоминает страницы сентиментальной прозы. Тут вам и семейные деревья с тетушками-родственницами, и заскучавшие от одиночества дамы всех возрастов, и главный герой, которого не за что любить, да все любят.

Герой помещен в исторические реалии и постоянно убегает от перестрелок и местечковых революций – он эдакий негероический герой нашего времени. «Стален» отчасти смахивает на автобиографию — ведь перед нами исповедь писателя Игруева, мысли которого вполне могут быть мыслями автора. Герой хочет написать великую книгу, а вынужден бегать газетным репортером. Автора книги действительно выручает чувство юмора. Своим романом он будто бы снимает шляпу перед женщинами. Потрепанную мокрую шляпу снимает этот выдуманный мужчина с выдуманным именем, который за все действие раз пять мог погибнуть – неудачник, рохля, журналист, мечтающий написать великий роман. Но хэппи-энд будет такой не хэппи, зато такой энд, что, роман Сталена Игруева, кажется, так и не напишется.

Перед нами роман-отражение. Он причудливо отображает жизнь нашей страны примерно со времен предвоенных, когда обвинили в шпионаже и вредительстве верхушку Метростроя, и практически до дня сегодняшнего. Это ко многому обязывает. Все основные вехи обозначены: Сталин, чекистская и партийная номенклатура, брежневский застой, перестройка, хмельной Ельцин, расстрел Белого дома, Чеченская война, Путин... Напрямую герой в знаменательных для страны событиях не участвует, он всегда в стороне, сам

себя он так и называет – угловой жилец. Вехи эти – что-то вроде гвоздиков, на которых висит весь пестрый ковер романа. Воистину пестрый! Место действия – глухая провинция, Москва, элитные подмосковные дачи с конюшнями. Персонажей в пространстве текста живет и умирает столько, что собьешься подсчитывать, причем, по меньшей мере в двух смертях герой так или иначе винит себя. Пусть, может быть, только отчасти, но винит. Озаряет общую многофигурную композицию три или четыре пожара, в которых сгорают жилища, персонажи и роковые тайны.

Действие повести «**Яд и мед**» начинается в 90-х годах XIX века и заканчивается развалом Советского Союза. Семейство Осорьиных, потомков княжеского рода, не загнивает в среднерусской глуши, не спивается и не имеет традиционной для таких сюжетов ярко выраженной тяги к накопительству. Зато здесь все врут, изменяют, женятся на нелюбимых, ругаются, словом, грешат на все лады. Однажды в доме убивают случайную гостью, и главная героиня – Тати, «ось осорьинского мира», берет всю вину на себя. Герои изо всех сил отворачиваются от правды: настоящий убийца не найден – и не надо. Постепенно интрига сводится к «голой мертвой женщине», лежащей на черном мраморном полу в холле. И на ней же заканчивается.

Дом – единственный «живой» персонаж, своенравный и капризный, не терпящий случайных людей. Буйда не пытается изобразить «хмурых людей» Чехова или лишних и непонятых персонажей Пушкина и Лермонтова. Главное качество его героев – холодное, мертвое превосходство, которому прощается все: «Они и при царях были господами, и при большевиках, и сейчас...» В результате Осорьины оказываются семейством, готовым принять и понять и загулявшую Каренину, и зарубившего старушку Раскольникова. Это совершенно иной ответ на вопрос о преступлении и наказании. Правда как категория здесь просто не существует. Кто-то должен взять на себя грех и умереть с ним, говорит Буйда, «дабы не было уже ничего проклятого».

Так, полудемоническая хозяйка дома Тати у Буйды – как будто наследница Иды Змойро из романа «Синяя кровь». Тати и есть женщина с «синей кровью», всем маскам предпочитающая ледяную гениальность. А вот домоправительницу Нинон в «Яде и меде» он описывает чуть не со смехом – она, конечно, «знает обо всем, что происходит в доме на самом деле», но при этом ее портрет исчерпывается непреходящей влюбленностью и «прекрасной грудью». Свить дво-

рянское гнездо в советских декорациях, правда, не получается ни у одной, ни у другой.

«Яд и мед» дополняет цикл рассказов «Осорьинские хроники» – пеструю смесь семейных преданий, стилизованных не то под русские народные сказки, не то под монастырские летописи. Это девять коротких и довольно жестоких рассказов о предках Осорьиных: былинных богатырях, князьях и серых кардиналах. Благодаря этим историям в книге появляются прекрасные блудницы с отрезанными языками и свиньи, питающиеся человеческим мясом, а повесть разрастается до размеров семейной саги. «Яд и мед» – повесть во всех отношениях прекрасная, однако жизнью здесь и не пахнет. Художественный мир Буйды – плотный и душный, его границы осязаемы почти физически: кажется, что дом в поселке Жукова Гора – единственная обитаемая географическая точка на глобусе. Но важное другое: Буйда возвращает в литературу категорию быта, не связанную с грязной посудой и стяжательством. Соль на столе, шпаги и знамена на стенах, мраморные статуи в холле – весь этот пыльный, но родной уют заменяет его героям жизнь. И он же привносит в повесть ощущение густого, безвыходного счастья.

Автобиографическая фантазия «**Вор, шпион и убийца**» рассказывает о становлении писателя, его роли в той точке времени и пространства, где выпало ему родиться и жить. А именно – на обломках тевтонской цивилизации, в небольшом городке под Калининградом, во времена хрущевской оттепели при недостроенном социализме. Комические и грустные, чудовищные и прекрасные истории из жизни окружающих героя людей сливаются в единую симфонию эпохи. Переживая мучительный разрыв между высокими проблемами литературных героев и растительной жизнью современников, по мере взросления он выходит на новый уровень понимания действительности: если хочешь воспринимать всю гармонию и красоту жизни, опусти забрало и впитывай ее всеми нервными окончаниями. Тогда весь ее абсурд и ужас также придется прочувствовать до конца. Но такова цена за возможность ощущать себя действительно живым.

Герой романа «**Ермо**» – Джордж Ермо – всемирно известный писатель–эмигрант с бурной и таинственной биографией. Он моложе Владимира Набокова и старше Георгия Эфрона. Он – «недостающее звено» в блестящей цепи, последний из великих русских эмигрантских писателей. А еще его никогда не существовало на свете... Один из самых потрясающих романов Юрия Буйды, в котором автор пред-

стает не просто писателем, но магом, изменяющим саму действительность! Новая книга Юрия Буйды – это своеобразная «Божественная комедия», разыгранная автором в причудливых декорациях одновременно нынешней Москвы и древнего Вавилона – в условном фантастическом пространстве, где люди превращаются в цветы и рыб, где русалки рожают философов, а Магеллан совершает и совершает свое бесконечное путешествие в Вечность... Буйда смешивает сюжеты и жанры, вызывая шок и томление, провоцируя главные вопросы: о вере, о чести, о любви. Буйда, как древний Диоген, ищет Человека в темноте современности. И его фонарь горит ярко...

В романе «Цейлон» заядлый путешественник Ховский, впечатленный островом Цейлон, по возвращении на родину пытается создать его подобие. Но средне-русский климат не подходит для пальм и оголенных танцовщиц. Мечта о рае на земле заканчивается печально: хозяин повешен, Цейлон сожжен. На его фундаменте возникают сначала приют для душевнобольных, потом тюрьма, а в 1944 – оборонный завод, который возглавляет один из представителей старинного русского семейства – Андрей Трофимович Черепнин. Он, как и его предшественники, тоже служит мечте. Но знает: если ее не держать в ежовых рукавицах, она может разнести вдребезги все и вся, как это случалось не раз в истории России. Свое отношение к мечте должен определить и внук Черепнина, подступивший к познанию тайн своей семьи и родины...

В своем новом романе «Цейлон» автор подходит к истории домоустройства на Руси с другой, еще более чуждой родному менталитету стороны. Словом, издавека, а именно – с заморского острова, давшего название книге, начинает ее герой историю восстановления своей национальной идентификации и заодно возвращения на родину. В самом названии придуманного Юрием Буйдой местечка «Цейлон» скрывается какое-то неистовое торжество мечты. Оно якобы облюбовано в XVIII веке русским путешественником Арсением Ховским, некогда побывавшим на экзотическом острове. Пораженный чудесами реального Цейлона, Ховской создает на земле русской его копию, перекрасив местных собак в тигров, изготовив пальмы из бревен и заставив крестьянских девушек ходить босиком по снегу и трясоти монистами. А может быть, странник Ховской и не был на Краю Света, и рукотворный Цейлон – это всего лишь мечта, к которой с древних времен стремятся обитатели Осорбиных и Жунглей,

раскинутых по всей России-матушке. Но остались ли еще в России мечтатели? Действительно ли современный человек не только копит и потребляет, а еще рвется к неким Золотым Горам, как герои Юрия Буйды? Ответ на этот вопрос, по сути, не так уж важен, ведь хорошая литература всегда более убедительна и жизнестойчива, чем обыденная реальность.

Произведения Ю. Буйды

84(2=411.2)6 Буйда, Ю. Ермо : [роман] / Ю. Буйда. – Москва :
Б905 Эксмо, 2013. – 282, [1] с. – (Большая литература.
990430 Проза Юрия Буйды). – ISBN№ 978-5-699-68167-9. –
Текст (визуальный) непосредственный.

84(2=411.2)6 Буйда, Ю. Синяя кровь : [роман] / Юрий Василье-
Б905 вич Буйда. – Москва : Эксмо, 2011. – 287, [1]с. –
990244 ISBN№ 978-5-699-49891-8. – Текст (визуальный)
непосредственный

Буйда, Ю. Стален: Похождения углового жильца. – М. : Эксмо, 2017. – 432 с. – Текст (визуальный) непосредственный.

Буйда, Ю. Цейлон. – М. : Эксмо, 2015. – 416 с. – Текст (визуальный) непосредственный.

Буйда, Ю. Бешеная собака любви : рассказы / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2012. – № 4. – С. 9–47.

Содержание: Львы и лилии

Буйда, Ю. Бедные дети : рассказы / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2010. – № 10. – С. 107–137.

Буйда, Ю. Врата Жунглей : рассказы / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2011. – № 9. – С. 3–42.

Буйда, Ю. Гроб для памятника / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Новое время. – 2003. – № 9. – С. 15–17.

Буйда, Ю. Закон джунглей : рассказ / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2008. – № 3. – С. 29–41.

Буйда, Ю. Идеал, un grand poete francais : рассказ / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2010. – № 10. – С. 101–114.

Буйда, Ю. Книга левой руки : повесть / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2007. – № 3. – С. 6–32.

Буйда, Ю. Мерзавр : рассказ / Ю. Буйда – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2012. – № 6. – С. 66–85.

Буйда, Ю. Про электричество : рассказ / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2009. – № 12. – С. 94–108.

Буйда, Ю. Синяя кровь : роман / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2011. – № 3. – С. 7–114.

Буйда, Ю. Третье сердце : роман / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2008. – № 10 – С. 4–64.

Литература о жизни и творчестве Ю. Буйды

Бабенко, Н. Художественная топонимика Юрия Буйды. Лингво-поэтический анализ / Н. Бабенко. – Текст (визуальный) электронный // Мир русского слова. – 2006. – № 2. – С. 50–56. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38508943> (дата обращения: 22.03.2021).

Буйда, Ю. Яблоко от яблони, плоть от плоти : о прозе Юрия Буйды / Ю. Буйда. – Текст (визуальный) непосредственный // Новый мир. – 2011. – № 11. – С. 186–188.

Горшкова, Е. Не такое уж темное царство : о сборнике рассказов Ю. Буйды «Жунгли» / Е. Горшкова. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2011. – № 11. – С. 174–178.

Дегтяренко, К. Интертекст в рассказе Ю. Буйды «Черт и аптекар» / К. Дегтяренко. – Текст (визуальный) электронный // Научный

диалог. – 2018. – № 4. – С. 77–86. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32717153> (дата обращения: 22.03.2021).

Дедюхина, О. Мотив тени в рассказе Ю. В. Буйды «На живо-дерне» / О. Дедюхина. – Текст (визуальный) непосредственный // Филологические науки. – 2019. – № 8. – С. 35–38.

Дедюхина, О. Поэтика символа «ведьмин волос» в одноименном рассказе Ю. В. Буйды / О. Дедюхина. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. – 2020. – № 5. – С. 24–28. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42882568> (дата обращения: 22.03.2021).

Кокшенева, В. Все еще чужая земля? : о сборнике рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» / В. Кокшенева. – Текст (визуальный) непосредственный // Москва. – 2009. – № 2. – С. 196–200.

Куриленко, М. Смеховой мир Ю. Буйды (рассказ «Закон жун-глей») / М. Куриленко. – Текст (визуальный) электронный // Актуальные проблемы филологии. – 2017. – № 15. – С. 109–115. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32832526> (дата обращения: 22.03.2021).

Прохорова, Т. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды / Т. Прохорова, И. Загфарова. – Текст (визуальный) электронный // Филология и культура. – 2016. – № 1 (43). – С. 251–255. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25924495> (дата обращения: 22.03.2021).

Прохорова, Т. Черты необарокко в романе Юрия Буйды «Синяя кровь» / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – С. 155–159.

Прохорова, Т. Особенности художественной интерпретации темы смуты в малой прозе Юрия Буйды (на материале рассказа «Смерть эфанта») / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Филология и культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 231–235.

Прохорова, Т. От мифологизации образа к мифологизации исторического со-бытия (на материале «Повести о крылатой либерии»

Ю. Буйды) / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) электронный // Филология и культура. – 2018. – № 1 (51). – С. 205–210. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32791881> (дата обращения: 22.03.2021).

Прохорова, Т. Роман Юрия Буйды «Синяя кровь»: жизнь как театр или театр жизни? / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2013. – № 1. – С. 117–135.

Савельев, И. Буйда 2–0: художественный мир писателя Юрия Буйды / И. Савельев. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 188–201.

Селиванова, Т. Урок по рассказу Ю. Буйды «Синдбад мореход». X–XI классы / Т. Селиванова. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2017. – № 8. – С. 37–39.

Людмила Стефановна Петрушевская

В 1970-е гг. дебютировало новое поколение писателей, которых критика определила, как «поствампиловскую» или как «новую волну». Драматургия «новой волны» вскрыла такие пласты текущей тогда действительности, о которых предпо-читалось не говорить: «дно», «обочины» жизни, маргинальность в ее социальном измерении. Заметно ужесточились проблемы и конфликты пьес. Но жестокость и вообще приемы «шоковой терапии» нельзя использовать бесконечно долго. Недуг недостаточно выявить – важнее понять, как его преодолеть. Эти задачи решали авторы «новой драмы», пришедшей в литературу и на сцену в 1980-е гг. В ряду драматургов «поствампиловского» призыва имя Л. Петрушевской неизменно называют первым и в плане бесспорного своеобразного таланта, и в отношении много-страдальной судьбы ее пьес.

Людмила Петрушевская – одна из самых ярких писательниц конца XX века. Автор пьес «Уроки музыки», «Чинзано», «Квартира Коломбины», «Московский хор». Проза Петрушевской представляет собой своеобразную энциклопедию женской жизни от юности до старости: «Приключения Веры», «История Клариссы», «Дочь Ксени», «Песни восточных славян», «Время ночь», «Кукольный роман».

Ее произведения долго не публиковали, находя различные предлоги для многочисленных отказов. Современная критика называет ее рассказы «прозой новой волны», так как в них есть композиционная и стилистическая необычность, пере-осмысление известных произведений классики. Вечным темам писательница дает оригинальную трактовку. Темы для своих рассказов автор берет из череды повседневных событий. Писательница показывает мир, далекий от благополучных квартир и официальных приемных. Ее герои – незаметные, замученные бытом люди, тихо страдающие в своих неприглядных дворах и коммунальных квартирах. Писательница показывает нескладную жизнь, в которой отсутствует какой-либо смысл. Привычные для каждого читателя картины не мешают автору поднимать и решать серьезные нравственные проблемы.

Сегодня Людмила Стефановна Петрушевская широко известна читателю и зрителю как автор «жесткой прозы» и драматург, чьи пьесы широко идут на отечественной и зарубежной сцене. В большинстве случаев неприятие художественного мира Л. Петрушевской было вызвано неадекватным «идейно-тематическим» подходом к ее

пьесам по первому, поверхностному впечатлению. «То, что она одарена чутьем к неприглядной правде, способностью заметить нечто уродливое и нелепое, эксцентричное и жутковато-смешное прямо посреди мирного течения жизни, – это было ясно даже не злым критикам. Но ее неудобный талант продолжал шокировать тех, кому приятно было бы скрыть постыдные беды под покрывалом ханжества», – писала рецензент М. Строева.

Критики упрекали писательницу в бесстрастности, в безжалостном, равно-душном отношении к своим героям. Ее произведения вызывали шок. Шок – как люди живут! Как бедно, убого, одноклеточно люди живут! – сменялся традиционными для русских саднящими вопросами: почему так происходит? Кто виноват? что делать?

Для творчества Л. Петрушевской характерны малые формы. В прозе это не-большие по объему рассказы и повести, в драматургии – чаще всего одноактные пьесы, объединенные в циклы. Ее сочинения для театра сложны для постановки. Режиссеры объясняют это не только необычностью и не традиционностью героя, лишенного четких нравственных очертаний, но и самой формой пьес, их структурными и жанровыми особенностями. В самых серьезных произведениях всегда присутствует комическое. Это могут быть и известные анекдоты, например, про вурдалаков («**Чинзано**», 1989), про девочку из детсадика, «**Мусикапи**», («**День рождения Смирновой**», 1989). Есть пародийные, начиная с названия, пьесы. Писательница блестяще владеет языковыми средствами выражения комического, однако при чтении ее пьес не покидает ощущение «смеха сквозь слезы».

Смешное присутствует и в трагедийном цикле диалогов «**Темная комната**», «**Бабуля-блюз**», в сцене «**Опять двадцать пять**», написанных в конце 1980-х гг. Здесь автор заглянула в такой жизненный «за предел», что испугала своих публикаторов, заставив вспомнить не Чехова, а Леонида Андреева с его страстью исследования черных бездн человеческой души. В небольших сценках – «**Казнь**» (1970), «**Свидание**» (1988), «**Стакан воды**» (1988), «**Изолированный бокс**» (1988) – действуют убийца, исполнитель смертного приговора, умирающие раковые больные, женщина-детоубийца, женщина с жуткой искалеченной судьбой. Потрясают их разговоры-диалоги «на краю бездны», будничные, житейские, вскрывающие нечто абсурдное, ирреальное. При этом возникает эффект «шоковой терапии», когда, ужаснувшись, спохватываешься и вспоминаешь: «Господи! Ведь я же человек, мне дарована жизнь, а как я распоряжаюсь ею?»

Человеческая жизнь со всеми ее перипетиями, нелепостями, несуразностями побуждает автора обращаться к условным приемам. От сцены к сцене усиливается абсурд в цикле **«Квартира Коломбины»** (1988), гротескный оттенок приобретают отношения персонажей в **«Анданте»** (1975). В **«Уроках музыки»** создан условно-фантастический образ качелей, на которых раскачиваются Нина и Надя, жертвы жестокой расчетливости и бездушия семейства Козловых. Качели, грозно снижаясь, как символ возмездия, кары, заставляют «грешников» Козловых пригибаться, ползти на четвереньках, идти на полусогнутых ногах. Больные точки современной жизни, на которых концентрирует внимание Петрушевская, не поддаются лечению только смехом. Смех лишь снижает предельную напряженность.

Пьесы Л. Петрушевской перегружены бытом. Быт – плен, одушевленный властелин, персонифицированный в деталях окружающей героев обстановки. Образ, вынесенный в название пьесы **«Три девушки в голубом»** (1980), ассоциирующийся с чем-то чистым, романтически-возвышенным (может, с чеховскими тремя сестрами), звучит иронично по отношению к трем молодым женщинам, связанным отдаленным родством и общим «наследством» – полуразвалившимся дачным домом, вернее, его половиной, где они вдруг решили провести лето со своими детьми. Предмет обсуждений здесь – протекающая крыша, кому и за чей счет ее чинить. Звания «настоящего мужчины» удостоивается разведенный ловелас Николай Иванович, лишь на том основании, что в два дня сумел возвести во дворе дома туалет «типа сортира», тем более, что другой мужчина в этой пьесе, трижды алиментщик, шофер-пьяница Валера Козлосбродов на такой подвиг не способен («Я испытываю отвращение к физической работе. А от умственной меня тошнит»). Дерутся дети, и «три девушки в голубом» постоянно из-за них ссорятся...

Петрушевская обращается к самым больным проблемам текущей жизни. Неустроенность, теснота, приводящая к конфликтам поколений в одной семье, к озлобленности, ненависти – лейтмотив многих ее пьес. Ради «спасения» от неуютного брака мать «подкладывает» сыну соседскую девочку, изгоя в собственной семье. В результате ломаются три молодые судьбы («Уроки музыки»). В пьесе «Стакан воды» брат упекает сестру-инвалида в дурдом с диагнозом «шизофрения», а по выходе ее оттуда пишет новое заявление о продолжении лечения. Алкаш Козлосбродов из «Трех девушек

в голубом» красноречиво обобщает такие родственные отношения: «Мы особенно не знакомы, но родственники. Так сказать, одного помета... Помет (поднимает кулак). Это когда одна свинья за раз опоросится».

У Петрушевской свой четко очерченный круг героев. Не случайно у нее есть рассказ, который так и называется – «**Свой круг**» (1999). Жизнь в «своем кругу» движется по заданному регламенту. Каждый играет здесь свою роль, к которой привык за «годы общения» и очень боится ее утратить, потому, что это означало бы оказаться не «наедине со всеми», а «на randеву с собой». Петрушевская как бы исследует в своих произведениях жизнь определенной социальной среды, преимущественно городского люда с неустойчивой жизненной позицией. Они спешат сколотиться в компании, «заклучиться в круг», убегая от одиночества. Например, как Ольга в пьесе «Сырая нога, или Встреча друзей» (1973–1978), о которой один из персонажей говорит: «Да это Олька-депрессия. Совсем не человек. Мы ее жалеем, принимаем. Спивается помаленьку, жалко ее. Ничего в душе нет, на все плюет. Придет как человек, разговаривает, а у самой одно только на уме, это видно... Погибает, совсем погибает. А дочка у нее. Тоже погибает». При всей ничтожности состава этот круг спасательный для многих. В финале пьесы довольно неприглядные но своей сути Володя, Алеша, Дмитрий берут Ольгу под защиту: «Это наша девочка, отдай. Это моя девочка. Я за нее тебе хобот расшибу...»

Женская неустроенность – сквозная тема в творчестве Петрушевской. В ее пьесах нет счастливых семей и нет счастливых женщин. Многие ее героини даже не знают, что это такое – счастье. Характерна реплика Юлии («Анданте»): «Смешно, у нас это дико сказать, а в Агабаре по пять жен имеют. Ведь знаете, детка, каждой жене лучше быть пятой, чем никакой». Вот и рождаются уродливые формы види-мости счастья, вроде брака втроем («Анданте») или романа-игры с Николаем («Три девушки в голубом»). У женщин Петрушевской (Ирины из «Трех девушек в голу-бом», Нины из «Уроков музыки» и даже М. из «Стакана воды») «нормальная человеческая реакция на низость окружающей жизни выражается в том, что они, по сути, живут в придуманном, а не реальном мире. Позволяют себе хотя бы иногда поверить в невозможное и принять желаемое за действительное... Нет, тут вмешалась природа, подарив желанный сон, в котором есть все необходимое человеческое – безоглядность, доверие, жертвенность – чтобы выжить и не погибнуть... без любви».

Очередная книга Петрушевской «Странствия по поводу смерти» – страшная правда о нашей жизни. Точнее, о жизнях, которые писательница словно бы под-смотрела в замочные скважины. Если раньше Петрушевская писала сказки, то теперь это что-то на грани триллера или детектива. Каким образом Петрушевская умудряется материал, пригодный разве что для программы «Криминальная Россия», превратить в настоящую литературу, от которой захватывает дух, – ей одной ведомо. Но эти рассказы вновь поражают беспроегрышным сочетанием трагедии, мело-драмы и едва уловимой сказочной атмосферы, распыленной в мире сурового криминала. Новая заглавная повесть сборника «Странствия по поводу смерти», – это детективная история, стремительный триллер с погоней, бриллиантами и стрельбой. И все это – на фоне семейной саги, по сути, истории страны и общества в концентрированном виде – от репрессий до современных следователей-перевертышей. Как всегда жестко и одновременно иронично, мастерски жонглируя жанрами, Петрушевская говорит о серьезных вещах между строк, как бы за сюжетом – и ставит точные и иногда болезненные диагнозы нашему времени и нашей истории.

В книги Людмилы Петрушевской проваливаешься, как в колодец: в мире ее прозы темно, сыро, постоянно кого-то режут, убивают и помещают в коммунальный ад, рвущийся наружу сквозь мнимое благополучие семейной жизни. Кажется, что горести и напасти Петрушевская коллекционирует как фетиши, взрачивая из каждого то рассказ, то повесть, а порой и целый триллер. Главная героиня повести «**Странствия по поводу смерти**» Вера должна лететь в Петербург по случаю кончины своей тетушки. Тетя давно с их семьей не общалась и даже не отвечала по телефону, а сразу бросала трубку, и этой тете было за восемьдесят, а ее родной сестре, маме Веры, под семьдесят. Во всяком случае, у умершей иногородней тети эта Вера с ее мамой должны были считаться единственными родственниками, а, стало быть, и наследниками. Однако тетина квартира не отходила им по воле этой самой тети, было давно ею объявлено, что «тут ловушка и хотят ее убить и ограбить». Началось все с того, Верина мама один раз обратилась к сестре с просьбой отдать ей из родительского чулана старый оранжевый абажур – Вера как раз ехала с экскурсией в Петербург.

У тети Вали, как она сама считала, и «только у нее были подлинные права на родительское имущество, а не у этой младшей сестры-выскочки-москвички» – (имелась в виду Лора, мама Веры), это

было объявлено сестре по телефону. И именно Валя, как выяснилось впоследствии, хоронила сначала бедного папу, все перенесла, и его алкоголизм, и старческую деменцию («все под себя и уже не поднимался»), а потом проводила и «героически курившую до конца дней маму, последний раз в постели в больнице ночью, отчего и сгорела». Причем Валя ни слова не сообщила в Москву об этих ужасных вещах в своей жизни, все трагически вы-несла одна. Мама Лора узнавала о событиях все по телефону от ее соседки, своей подружки по детскому саду. Та ничего не видела, похороны-то теперь происходят не по месту жительства, а по больницам, но как-то догадывалась: «Валяшка плакала в голос». И потом все выложила как на духу, пришла занять яйцо у соседки, да за чашкой чая и засиделась.

Конечно, Лора звонила сестре с соболезнованиями и участливо, как несчастной сироте. Но сама эта Валя тут же отвечала по телефону бодро и злобно, что эта соседка бредит, все придумывает, выдает желаемое за действительное: «Вы так и мечтаете, да? Чтобы все перемерли, я в том числе? Москва, не суйся!». А потом вообще перестала брать трубу. Но соседке-то она призналась, что этим облегчила себе жизнь, и наследство сохранила, и не потратилась, и не должна была выносить еще и «эту сестру-москву с претензиями на абажур...». «Ваша афера с моим антиквариатом не вышла», – как ответила ей в письменном виде неприступная Валя.

Вера едет в аэропорт, попадает в аварию и чудом спасается, выбравшись из горящей машины и прихватив заодно чужой чемодан с краденными алмазами. За чемоданом ожидаемо охотятся полицейские, оказавшиеся настоящими бандитами – а значит, жди колоритных допросов с пристрастием, ножа у горла, изнасилований и еще бог знает чего. При этом мир ужасов Людмилы Петрушевской максимально одомашнен и по-своему даже приятен, как камера пыток с выглаженными занавесками в ромашку на окнах. Приступая к ее рассказам, важно помнить, что за каждой аккуратной дверью живут психопаты, готовые зарезать вас среди ночи, мужья, поколачивающие своих жен и прочие тихие, домашние экстремисты.

Триллер **«Конфеты с ликером»** – история молодой женщины, жены серийного убийцы, пытающейся спасти своих детей. Главная героиня – медсестра Леля – в первой главе предстает перед читателем как несчастная, забитая жертва Никиты – жестокого мужа, только и мечтающего избавиться от нее и детей, но почему-то не стремящегося подать на развод. После неудавшейся попытки Никиты отра-

вить все семейство, Леля сбегает из дома и отвозит детей в детскую больницу. Вроде бы типичная бытовая ситуация, то, что называют «семейным насилием», и о чем постоянно вещают по вечерам ведущие ток-шоу на телевидении. Предполагаемая причина Никитиной агрессии – желание оставить себе квартиру, в которой прописаны жена и дети, что было бы невозможно в случае развода. Об этом говорит и название главы – «Жилищный вопрос», отсылка к булгаковскому «квартирный вопрос только испортил их...». Кроме того, Леля упоминает о возможных проблемах с психикой у Никиты, и его беспричинной ревности.

Со второй главы, «Соперники», начинается ретроспективное абсурдное нагромождение событий. Мы узнаем, что после жестокого насилия со стороны своего пациента Никиты Леля неизвестно почему безропотно соглашается выйти за него замуж, хотя за ней вроде бы ухаживал и другой мужчина – сослуживец Данила. Причина названа такая: «Леля боялась его смертельно, вот в чем было дело». После свадьбы они живут в убогом домишке в Сергиевом посаде, доставшемся Леле от деда, время от времени Никита ездит в Москву, чтобы ухаживать за тяжело больной бабушкой, в чьей квартире он прописан.

В третьей главе «Семейная жизнь» продолжается нагромождение кошмара. Когда обнаруживается тщательно скрываемая беременность Лели, обоим становится понятно, что зимовать с ребенком в деревенской избушке будет невозможно. Никита без объяснения исчезает на неделю, а потом объявляется и сообщает, что бабушка его умерла, и он только с похорон. Леля подозревает, что смерть бабушки не случайна: «Убийца, преступник мог так выглядеть». Через несколько месяцев Никита перевозит Лелю в свою квартиру, которую прежде делил с бабушкой.

В четвертой главе – «Ремонт» – подоплека событий начинает понемногу проясняться. Читатель уже давно задается вопросом: в чем причина такой бесхребетности Лели, зачем молча терпеть несправедливость и почему бы не обратиться в правоохранительные органы? И тут обнаруживается, что сама Леля – вовсе не такая святая, какой казалась поначалу. У беспричинной ревности Никиты причины были, ребенка Леля ждала от своего многолетнего любовника и сослуживца, того самого хирурга Данилы, женатого на женщине с ребенком и не планирующего развод. Самостоятельно занимаясь ремонтом в квартире, невероятными усилиями раздобывая

стройматериалы, блаженная Леля по–прежнему страдает и терпит побои и издевательства Никиты. Более того, она и денег не получает ни на что от Никиты, тот работает младшим научным сотрудником в лаборатории, где почти не платят. При этом Леля успевает и Даниле пожаловаться: «Ему нужна раба.... И я не могу от него уйти, он убьет...».

Пятая глава «На сладкое» – с названием довольно двусмысленным. Кроме прямого указания на пресловутые конфеты с ликером, автор будто бы спрашивает: «Как, вам не достаточно бреда? Хотите еще? Ну, так получите на сладкое!». Чудом оставшись в живых после попытки Никиты отравить ее и детей, Леля возвращается в квартиру, чтобы забрать вещественные доказательства преступления – конфеты, спрятанные в морозилке. И тут степень абсурда начинает буквально зашкаливать, события цепляются одно за другое, как снежный ком. Конфет в морозилке не обнаруживается, зато появляется сестра Никиты, абсолютно уверенная в смерти Лели и детей – проверяет, в каком состоянии ее наследство. Оказывается, что несколько дней назад Никита умер вместе со своей новой женой – отравился теми самыми конфетами, которые эта женщина по незнанию прихватила с собой. Ядом было вещество, изобретенное Никитой, от него, судя по всему, скончалась в свое время его бабушка. Этим же веществом он отравил несколько человек в своей лаборатории, в тщетной попытке получить повышение в должности. Никитина сестра, такая же жестокая психопатка, как и сам Никита, решает зарезать Лелю, чтобы не иметь проблем с оформлением наследства на квартиру. Но на вопли Лели с верхнего этажа прибегает соседская собака (жуткая овчарка), и вопрос с сестрой решается быстро, «сильно и бесшумно».

Спасение Лели произошло чисто случайно. Реалистичное, заслуженное спасение полагается положительному герою, а в «Конфетах с ликером» положительных героев нет. Ясно, что семейка Никиты – он сам, его мать и сестра – бессердечные психопаты. Но и на остальных, как говорится, «пробу негде ставить». Псевдодорыцарь Данила ничего не сделал, чтобы защитить мать своих детей, потому что «очень уважал и боялся свою старую жену». Соседи, сослуживцы и знакомые Лели тоже ей сочувствовали, но ничего не предпринимали, хотя знали о сложившейся ситуации. Ну и сама Леля – зачем было выходить замуж за психически неуравновешенного и жестокого человека? Единственный фактор со знаком плюс, имевшийся у Никиты

– это наличие московской квартиры. Возможно, в этом и была причина скоропалительного замужества. И ладно бы Леле была безразлична ее собственная жизнь, но она ведь сознательно подвергала опасности двоих детей...

В «Конфетах с ликером» – происходит зашкаливание человеческих пороков и слабостей, которые вряд ли встретишь в таком сочетании и таком количестве в реальной жизни. Но при этом каждая отдельная деталь абсолютно реалистична. Каждый из нас может вспомнить подобные случаи из жизни: про споры родственников из-за квартиры, про мужчин, живущих на две семьи, про браки, заключенные по меркантильным соображениям...

Герои Петрушевской – чаще всего героини – самые обыкновенные малообеспеченные люди. На их долю выпали тяжелые испытания, которые они, сжав зубы, преодолевают. Она пишет о справедливости, которая должна восторжествовать, о победе над судьбой. Людмила Петрушевская – гениальная сказочница нашей эпохи. **«Странствия по поводу смерти»** нужно читать уже только потому, что это написала Петрушевская. Но и потому, что Людмила Стефановна вместе с читателем как бы глядит в замочную скважину, за которой – жизнь как она есть, со всей ее ущербностью, неправильностью, с несчастными людьми и людьми очень плохими, с бытовыми убийствами и не бытовой любовью. Петрушевская пишет так правдиво, что от этой правды становится жутко. Но она всегда дарит надежду – и это главное.

Творческое кредо Петрушевской точно сформулировано в ее киносценарии для мультфильма «Сказка сказок»: «А я поэт. Все увиденное, услышанное потрясает меня до глубины души. Чувства меня раздирают, я чувствительное существо. Мое рабочее место на площади, на улице, на пляже. На людях. Они, сами того не зная, диктуют мне темы и иногда даже целые фразы. Не говоря уже о красках: я их просто списываю с натуры... А я все равно поэт. Я вижу каждого из вас. Ваша боль – моя боль».

Произведения Л. Петрушевской

- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
Петрушевская, Л. Собрание сочинений : в 5 т. / Л. Петрушевская. – Москва : АСТ, 1996 –
- 924091
929026
Т.1 : Проза. – 397,[1] с. – ISBN 5–7150–0315–6. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 924092
929028
929029
Т.2 : Из пяти книг : Реквием ; В садах других возможностей ; Песни восточных славян ; Тайна дома ; Карамзин (деревенский дневник). – 366,[1] с. – ISBN 5–7150–0316–4. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 924093
929030
929031
Т.3 : Пьесы : Пьесы в двух актах ; Разные пьесы для одного спектакля ; Песни XX века ; Детский театр. – 494,[1] с. – ISBN 5–7150–0317–2. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 924094
929033
929032
Т.4 : Книга приключений : Сказки для детей и взрослых : Нечеловеческие приключения ; Лингвистические сказочки ; Приключения Барби ; Приключения с волшебниками ; Королевские приключения ; Приключения людей. – 350,[1] с. – ISBN 5–7150–0318–0. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
938288
Петрушевская, Л. Время ночь : Повесть / Л. Петрушевская. – Москва : Вагриус, 2001. – 174,[1] с. – ISBN 5–264–00680–6. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
966229
Петрушевская, Л. Два царства : [рассказы, сказки] / Л. Петрушевская. – Санкт-Петербург. : Амфора, 2009. – 397,[1] с. – ISBN 978–5–367–00940–8. – Текст (визуальный) непосредственный.

- 63.3(2)6–7
ПЗ12
944691   Петрушевская, Л. Девятый том : [сб. ст.] / Л. Петрушевская. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 332,[1] с. : фот. – ISBN 5–699–02230–9. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2=411.2)6
ПЗ12
978502
978502   Петрушевская, Л. Детский праздник : [рассказы, сказки, стихи, пьеса] / Л. Петрушевская. – Москва : Астрель, 2012. – 382, [1] с. – ISBN 978–5–271–45393–9. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рос)6
ПЗ12
938623   Петрушевская, Л. Дикие животные сказки ; Морские помойные рассказы ; Пуськи Бятые / Л. Петрушевская. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 293,[1] с. : ил. – ISBN 5–699–02910–9. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2=411.2)6
ПЗ12
978339   Петрушевская, Л. Измененное время : рассказы и пьесы / Л. Петрушевская. – Москва : Амфора, 2005. – 333, [2] с. – ISBN 5–94278–919–3. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
966230   Петрушевская, Л. Истории из моей собственной жизни : [автобиогр. роман] / Л. Петрушевская. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 540,[1] с., [12] л. ил. – ISBN 978–5–367–01016–9. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
933120   Петрушевская, Л. Настоящие сказки / Л. Петрушевская. – Москва : Вагриус, 2000. – 446 с. – (Женский почерк). – ISBN 5–264–00116–2. – Текст (визуальный) непосредственный.
Содерж. : *Маленькая волшебница ; Кукольный роман; Сказки.*

- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
958211   Петрушевская, Л. Номер Один, или В садах других возможностей : роман / Л. Петрушевская. – Москва : ЭКСМО, 2004. – 334,[1] с. – (Новая серия : Петрушевская). – ISBN 5–699–05993–8. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
910896   Петрушевская Л. По дороге бога Эроса : проза. – Москва : Олимп, 1993. – 334 с. – ISBN 5–739–0234–6. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2=411.2)6
ПЗ12
966231   Петрушевская, Л. Путешествия в разные стороны : рассказы, эссе, фельетоны. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 350 с. – 978–5–367–01147–0. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2Рос=Рус)6
ПЗ12
938289   Петрушевская, Л. Реквиемы / Л. Петрушевская. – Москва : Вагриус, 2001. – 270,[1] с. – ISBN 5–264–00662–8. – Текст (визуальный) непосредственный.
- 84(2=411.2)6
ПЗ12
853108   Петрушевская, Л. Три девушки в голубом : сб. пьес. – Москва : Искусство, 1989. – 397 с. – Текст (визуальный) непосредственный.
Содерж. : Уроки музыки ; Сырая нога, или Встреча друзей ; Чинзано ; День рождения Смирновой ; Три девушки в голубом ; Квартира Коломбины ; Два окошка ; Золотая богиня.
- 84(2=411.2)6
ПЗ12
956212   Петрушевская, Л. Черная бабочка : рассказы, диалоги, пьеса, сказки. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – 297 с. 978–367–00753–4. – Текст (визуальный) непосредственный.

Петрушевская, Л. Стихи / Л. Петрушевская. – Текст (визуальный) непосредственный // Звезда. – 2006. – № 1. – С. 69–72.

Петрушевская, Л. Парадоски : поэтические раздумья / Л. Петрушевская. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2007. – № 1. – С. 2–12.

Петрушевская, Л. Тили-Бом, или Сказка о сказке / Л. Петрушевская. – Текст (визуальный) непосредственный // Иностранная литература. – 2006. – № 1. – С. 235 – 241.

Литература о жизни и творчестве Л. Петрушевской

Абелюк, Е. Рассказ Л. Петрушевской «Черное пальто» / Е. Абелюк. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература : прил. К газ. «Первое сентября». – 2006. – № 14. – С. 32–38.

Аверина, М. К вопросу о художественных особенностях сказок Л. Петрушевской: структурно-концептуальный уровень / М. Аверина. – Текст (визуальный) электронный // Вопросы филологических наук. – 2014. – № 3 (67). – С. 21–25. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21591535> (дата обращения: 22.03.2021).

Берсанов, М. Освоение абсурда и поэтика абсурда в реалистической драме Л. Петрушевской : аспект времени в языке прозы Л. Петрушевской и Т. Толстой / М. Берсанов. – Текст (визуальный) непосредственный // Вестник науки. – 2020. – Т. 2. – С. 10–14.

Берсанов, М. Отклики постмодернизма в творчестве Л. С. Петрушевской и Т. Н. Толстой / М. Берсанов. – Текст (визуальный) электронный // Вестник науки. – 2020. – Т. 2. – С. 15–18. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42334985> (дата обращения: 22.03.2021).

Биль, О. Женские и мужские образы в пьесах Л. Петрушевской (лингвистический аспект) / О. Биль. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – С. 9–12. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42750637> (дата обращения: 22.03.2021).

Биль, О. Средства создания образов в драматургии Л. Петрушевской / О. Биль. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3. – С. 483–486. –

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36544117> (дата обращения: 22.03.2021).

Богданова, П. Женская пьеса: «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской / П. Богданова. – Текст (визуальный) электронный // Современная драматургия. – 2013. – № 2. – С. 213–217. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28900595> (дата обращения: 22.03.2021).

Воротынцева, М. Синтаксические и семантические фигуры как компоненты образности в художественном тексте (на материале произведений Л. Петрушевской, О. Славниковой, Т. Толстой) / М. Воротынцева. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (34). – С. 62–66. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15214161> (дата обращения: 22.03.2021).

Вяжелин, Е. Память моментам : о книге Л. Петрушевской «Парадоски. Строчки разной длины» / Е. Вяжелин. – Текст (визуальный) непосредственный // Новый мир. – 2009. – № 7. – С. 178–181.

Горфункель, Е. Петрушевы и колядовщина / Е. Горфункель. – Текст (визуальный) электронный // Вопросы театра. – 2013. – № 1/2. – С. 44–56. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20232689> (дата обращения: 22.03.2021).

Журчева, Т. От «новой драмы» к «новой драме-2» : Л. Петрушевская / Т. Журчева. – Текст (визуальный) непосредственный // Современная драматургия. – 2011. – № 1. – С. 212–216.

Зурабова, К. Реальный портрет в сказочной действительности : [игровые занятия по сказкам Людмилы Петрушевской] / К. Зурабова. – Текст (визуальный) непосредственный // Дошкольное воспитание. – 2006. – № 3. – С. 86–95.

Катаев, Ф. Людмила Петрушевская в садах других возможностей : о романе «Номер Один, или В садах других возможностей» / Ф. Катаев. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 131–145.

Роман Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» как визуализированный код компьютерной игры. Проблема влияния компьютерных технологий на художественный текст.

Кац, Э. Новейшая проза : М. Москвина, М. Вишневецкая, Л. Улицкая, Т. Тол-стая / Э. Кац. – Текст (визуальный) непосредственный // Русская словесность. – 2004. – № 7. – С. 39–43.

Качалина, Е. Цветы на сырой земле : о книге Л. Петрушевской «Не садись в машину, где двое» / Е. Качалина. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2012. – № 2. – С. 182–184.

Клецкая, С. О механизмах смыслопорождения в «Диких животных сказках» Л. С. Петрушевской / С. Клецкая. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7-2. – С. 28–30. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29434385> (дата обращения: 22.03.2021).

Кожина, Е. О некоторых способах окказионального словопроизводства (на материале малой прозы Л. С. Петрушевской) / Е. Кожина. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (37). – С. 44–47. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15627080> (дата обращения: 22.03.2021).

Кошелева, А. Проза Л. Петрушевской: содержательно-эстетический дискурс, типология / А. Кошелева. – Текст (визуальный) непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 249–252.

Крылова, С. Роль сигнальных слов в поздней прозе Л. Петрушевской (на при-мере рассказа «Продлись, мгновенье!») / С. Крылова. – Текст (визуальный) электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2015. – № 6. – С. 93–98. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25018293> (дата обращения: 22.03.2021).

Курдыбайло, М. Семантические модификации компонентов повторной номи-нации в произведениях Татьяны Толстой и Людмилы Петрушевской / М. Курды-байло. – Текст (визуальный) электрон-

ный // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 92–98. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24168311> (дата обращения: 22.03.2021).

Лебедушкина, О. Непридуманная речь : современная сказка / О. Лебедушкина. – Текст (визуальный) непосредственный // Дружба народов. – 2008. – № 9. – С. 193–203.

Лебедушкина, О. Про людей и нелюдей / О. Лебедушкина. – Текст (визуальный) непосредственный // Дружба народов. – 2006. – № 1. – С. 190–198.

Лебедушкина, О. Шехерезада жива, пока... : о новых сказочниках и сказках Л. Петрушевской / О. Лебедушкина. – Текст (визуальный) непосредственный // Дружба народов. – 2007. – № 3. – С. 199–211.

Макрушина, С. Пьеса Людмилы Петрушевской «Уроки музыки» / С. Макрушина. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2014. – № 4. – С. 31–33.

Марал, М. В поисках стиля (критики о стилевой манере Л. С. Петрушевской) / М. Марал. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1 (45). – С. 051–056. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18981773> (дата обращения: 22.03.2021).

Маркова, Т. Поэтика повествования Л. Петрушевской / Т. Маркова. – Текст (визуальный) непосредственный // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 37–44 ; – № 3. – С. 34–39.

Меркотун, Е. «Туда и обратно»: о поэтике и семантике образа времени в одноактной драматургии Л. Петрушевской / Е. Меркотун. – Текст (визуальный) непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 4 (11). – С. 54–58.

Мещанский, А. Эстетика бытового абсурда в драматургии Л. Петрушевской / А. Мещанский. – Текст (визуальный) непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-2 (72). – С. 35–38.

Монгуш, Е. Гендерная проблематика и ее художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской / Е. Монгуш. – Текст (визуальный) непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 61-1 (31). – С. 306–308.

Монгуш, Е. Идеино-эстетическое своеобразие русской постмодернистской прозы 70-90 гг. XX века: творчество Л. Петрушевской в критике данного периода / Е. Монгуш. – Текст (визуальный) непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4-1 (23). – С. 37–45.

Носачева, С. Рассказ Л. Петрушевской «Глюк» : урок внеклассного чтения. VIII класс / С. Носачева. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2006. – № 1. – С. 35–38.

Оводенко, Ю. Формирование представлений о своеобразии стиля Л. Петрушевской // О. Оводенко. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2016. – № 2. – С. 27–30.

Одесская, М. Отец и безотцовщина в драматургии Чехова, Вампилова и Петрушевской / М. Одесская. – Текст (визуальный) электронный // Современная драматургия. – 2009. – № 1. – С. 180–183. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22519077> (дата обращения: 22.03.2021).

Островская, В. Чтобы мир остался жив... : опыт прочтения рассказа Л. Петрушевской «Гигиена» / В. Островская. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2010. – № 6. – С. 34–36.

Панн, Л. Запретная зона Людмилы Петрушевской : о книге «Черная бабочка» / Л. Панн. – Текст (визуальный) непосредственный // Новый мир. – 2008. – № 12. – С. 177–181.

Пахомова, С. «Энциклопедия некультурности» Людмилы Петрушевской / С. Пахомова. – Текст (визуальный) непосредственный // Звезда. – 2005. – № 9. – С. 206–212.

Пигасова, Г. Кривая семья. Урок по повести Л. Петрушевской «Время ночь» : X класс / Г. Пигасова. – Текст (визуальный) непо-

средственный // Литература в школе. – 2012. – № 1. – С. 29–31.

Содерж. : Изучение повести Л. С. Петрушевской на уроке, перекличка ее с романом М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Потанина, О. Некоторые словообразовательные особенности просторечия в сказках Л. Петрушевской / О. Потанина. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7-2. – С. 214–216. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21063491> (дата обращения: 22.03.2021).

Прохорова, Т. Дочки-матери Петрушевской : о пьесе «БИФЕМ» / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2008. – № 4. – С. 180 – 185.

Прохорова, Т. Как сделан первый роман Людмилы Петрушевской / Т. Прохорова – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2008. – № 1. – С. 249–264.

Прохорова, Т. Мистическая реальность в прозе Л. Петрушевской / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Русская словесность. – 2007. – № 7. – С. 29–34.

Прохорова, Т. Расширение возможностей как авторская стратегия писателя Людмилы Петрушевской / Т. Прохорова. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 149–164.

Пустовая, В. Свято и тать / В. Пустовая. – Текст (визуальный) непосредственный // Новый мир. – 2009. – № 3. – С. 149–168.

Пьянкова, Т. В. Ассоциативно-семантическое поле «семья» в повести Л. Петрушевской «Время ночь» / Т. В. Пьянкова. – Текст (визуальный) электронный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4-2 (29). – С. 116–119. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17826181> (дата обращения: 22.03.2021).

Расторгуева, И. Литературная традиция Ф. М. Достоевского в творчестве Л. С. Петрушевской / И. Расторгуева. – Текст

(визуальный) электронный // Филологический журнал. – 2011. – № 1 (18). – С. 18–21. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27664261> (дата обращения: 22.03.2021).

Ремизова, М. Девяносто пять процентов : о прозе Л. Петрушевской / М. Реми-зова. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2007. – № 9. – С. 171–174.

Савелова, Л. Медиадискурс в системе игровой поэтики романа Л. С. Петрушевской «Номер один или в садах других возможностей» / Л. Савелова. – Текст (визуальный) электронный // Общественные науки. – 2016. – № 6-1. – С. 13–24. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28120829> (дата обращения: 22.03.2021).

Савиных, О. Русская Медея 80-90-х годов XX века (Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Л. Разумовская, М. Хлебникова) / О. Савиных. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы русской литературы. – 2018. – № 3 (45/102). – С. 98–108.

Саложенкина, Т. Читательская конференция по рассказам Л. Петрушевской («Страна») и И. Полянской («Мама»), X класс / Т. Саложенкина. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2008. – № 3. – С. 42–44.

Сафронова, Л. Поэтика литературного сериала и проблема автора и героя : (на материале сериалов «Дикие животные сказки» и «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской) / Л. Сафронова. – Текст (визуальный) непосредственный // Русская литература. – 2006. – № 2. – С. 55–65.

Семикина, Ю. Тема материнства в «женской» прозе (на материале произведений Л. Петрушевской, Л. Улицкой, И. Полянской, О. Славниковой, М. Арбатовой) / Ю. Семикина. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (34). – С. 91–97. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15214168> (дата обращения: 22.03.2021).

Серафимова, В. В поисках констант бытия : «Лаз», «Предтеча», «Отставший» В. Маканина, «Новые Робинзоны (хроника конца XX

века)» Л. Петрушевской / В. Серафимова. – Текст (визуальный) непосредственный // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – № 3. – С. 158–164.

Токарчук, И. Частицы в пространстве текста : (на материале рассказов и повестей Л. Петрушевской) / И. Токарчук. – Текст (визуальный) непосредственный // Русский язык в школе. – 2012. – № 3. – С. 55–58.

Урицкий, А. Человеческие приключения : проза Л. Петрушевской / А. Урицкий. – Текст (визуальный) непосредственный // Дружба народов. – 2005. – № 7. – С. 208–212.

Федотова, Т. Сказки Людмилы Петрушевской / Т. Федотова. – Текст (визуальный) непосредственный // Дошкольное воспитание. – 2013. – № 5. – С. 50–57.

Филиппова, Е. Тема телесной «дематериализации» в волшебных рассказах Людмилы Петрушевской / Е. Филиппова. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. – 2013. – № 9. – С. 197–200. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20238645> (дата обращения: 22.03.2021).

Черкашина С. Мифологема дома в творчестве Л. Петрушевской / С. Черкашина. – Текст (визуальный) непосредственный // Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 22–30.

Черкашина, С. Христианские мотивы в новелле Л. Петрушевской «Просиял» / С. Черкашина. – Текст (визуальный) непосредственный // Русская словесность. – 2010. – № 3. – С. 45–47.

Штырова, А Семантика молчания в философско-эстетической концепции Л. Петрушевской / А. Штырова. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 8 (48). – С. 40–42. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24101324> (дата обращения: 22.03.2021).

Штырова, А. «Нейлоновый век» в СССР: Л. Петрушевская – Э. Триоле / А. Штырова. – Текст (визуальный) электронный // Гума-

нитарные научные исследования. – 2013. – № 10 (26). – С. 4. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20426580> (дата обращения: 22.03.2021).

Штырова, А. Идея создания универсального гуманистического пространства в творчестве Л. Петрушевской / А. Штырова. – Текст (визуальный) непосредственный // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 7-1 (47). С. 35–38.

Гузель Шамилевна Яхина

Успех молодой писательнице Гузель Яхиной принес дебютный роман «Зулейха открывает глаза». История о нелегкой судьбе ссыльной татарской крестьянки вызвала интерес читателей и общественный резонанс. И среди критиков, и среди читателей были те, кто пришел в восторг от этого произведения, но были и те, кто подверг Яхину критике. Основная претензия – очернение советской действительности. Но это не повлияло на то, что «Зулейха» стала заметным событием современной литературы. Книга вышла в 2015 году и за два года ее перевели на двадцать языков. Яхина получила за это произведение несколько литературных премий и стала одной из самых популярных российских писательниц. Автору удалось найти секрет современной прозы, совместив в своих произведениях историческую правду и мифологию. В 2018 г. был издан второй роман «Дети мои». На этот раз действие разворачивается в Поволжье, в 20-30-х годах, главный герой – этнический немец.

Роман «Зулейха открывает глаза» начинается зимой 1930 года в глухой татарской деревне. Крестьянку Зулейху вместе с сотнями других переселенцев отправляют в вагоне-теплушке по извечному каторжному маршруту в Сибирь. Дремучие крестьяне и ленинградские интеллигенты, деклассированный элемент и уголовники, мусульмане и христиане, язычники и атеисты, русские, татары, немцы, чувашаи – все встретятся на берегах Ангары, ежедневно отстаивая у тайги и безжалостного государства свое право на жизнь. Всем раскулаченным и переселенным посвящается.

«Зулейха открывает глаза» – история маленькой и хрупкой, но сильной и светлой женщины, на чью долю выпало столько испытаний, что не каждый выдержит, выстоит и не сломается. А она смогла. Она не просто не сломалась, но прошла через все горести, лишения и потери с достоинством, не озлобившись. Приспособилась, приняла совершенно дикие, неприемлимые и греховные для нее условия жизни безропотно.

«Зулейха открывает глаза» – история страданий, унижений, раскулачивания, репрессий, скотского отношения людей к таким же людям. История пути одного государство в светлое социалистическое будущее. Пути, выложенного трупами невинных людей, разбитыми надеждами, слезами, потом и кровью. Зулейха не знает счастья. Она и жизни не знает, настоящей, полной. Не знает ласки и тепла, добро-

го слова. Зулейха знает только тяжкий труд, побои, оскорбления, круглосуточное служение мужу и свекрови. И все равно она считает, что ей повезло, что муж ей достался хороший. Все смиренно терпит, принимает, не перечит и не бунтует. Это для нас непостижимо. Но такая уж она, Зулейха. Такой человек, так воспитана.

Но это далеко не все, что выпало на долю хрупкой татарки. Зулейха, в свои тридцать лет ни разу не покидавшая пределов родной деревни (если не считать поездки в лес за дровами, и на кладбище), мечтала увидеть Казань хотя бы раз в жизни. И увидела. И не только Казань. Вместе с сотнями и тысячами других таких же несчастных – «кулачем» и «бывшими людьми» – Зулейха проделает долгий путь через всю страну, на край света. В глухую тайгу. Повезут их на поездах, в вагонах для скота. И пересчитывать буду как скот – по головам, и относиться соответственно. Ведь они же враги, антисоветские элементы, полулюди-недочеловеки. Месяцы в пути, долгие, голодные, мучительные, для кого-то смертельные. А впереди – пугающая неизвестность.

Что это вообще за книга? А это «Обитель», только о красноярской тайге вместо Соловков, написанная женской рукой и пропущенная через женское сердце. Вместо ожесточения – любовь, пусть ломаная и «неправильная». История ссыльнопоселенцев: раскулаченных из деревень, питерских интеллигентов, а позже и тех, кого переселяли целыми народами. Девятнадцать национальностей на один крошечный поселок в приангарском урмане, а стержнем романа – Зулейха, маленькая и хрупкая татарская женщина, чей ад начался задолго до этого поселка.

Ад. Сплошной, непрекращающийся женский и человеческий ад. Книга о страшной трагедии советских времен, но принимаемая как должное, безысходная ежедневная домашняя каторга, возможно, и дала Зулейхе шанс выжить потом, в тайге. Ад лишь длился, беря начало в мужнином доме, продолжаясь девять месяцев в забитой людьми теплушке, обжигая ледяной водой Ангары, заживо съедая таежным гнусом, морозом, голодом. Таким голодом, что... нет, лучше читайте сами...

Ад обволакивал не только самим фактом телесных и душевных страданий, он раскатывал женщину страшным – нарушением незыблемого порядка вещей, предписанного верой, традициями и общим укладом жизни. Как представить себе чувства той, кому секунда без покрытой головы – страшный грех, и кому достались месяцы в той

теплушке, с дыркой в полу вместо туалета, кому даже рожать ребенка пришлось прилюдно. Но даже в нечеловеческих условиях ад отступал, когда схлестывался с любовью. Невозможной, странной, усложняющей жизнь и мучающей стыдом и виной, но ведь любовью!

Они очень разные, эти переселенцы. И простые работяги, и крестьяне, и творческая и научная интеллигенция, но они выжили, не сломались и смогли остаться людьми. А что помогало жить и выживать? Умение приспособливаться, терпение, вера в высшие силы, любовь? А главное – сила духа, которой веет с каждой страницы романа, которой подзаряжаешься и которой очень хочется соответствовать, если что ...не дай бог...

Последняя фраза романа не позволяет закрыть книгу: «И она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть». Критик Майя Кучерская сказала: «Все стихи пишутся ради последней строки». Книга Гузели Яхиной написана, кажется, ради первой главы. Потрясающей. «Один день» – вот так, очень литературно, она называется и описывает день Зулейхи, тридцатилетней жительницы татарской деревни, жены «хорошего хозяина» и «хорошего мужа» Муртазы. Этот день переполнен до отказа – животным страхом, тяжким трудом, болью, угождением грозному мужу и безжалостной к невестке свекрови, смертной усталостью и невозможностью отдохнуть. Сначала нужно тайно стащить пастилу из домашних запасов, потом ехать с мужем в лес за дровами, в краткой паузе после обеда принести пастилу в жертву духу околицы, чтобы тот упрощил духа кладбища позаботиться о лежащих там дочках Зулейхи, затем, уже полуживой, протопить баню, вымыть свекровь, принять от мужа побои, ублажить мужа. Гамма переживаний Зулейхи разыграна автором безупречно – точно, просто, до последней молекулы каждого физического ощущения. Вот, например, утренняя встреча с жеребенком: «Хороший будет конь, чуткий. Она протягивает руку сквозь занавеску, прикасается к бархатной морде: успокойся, свои. Тот благодарно пыхает ноздрями в ладонь – признал. Зулейха вытирает мокрые пальцы об исподнюю рубаху и мягко толкает дверь плечом. Тугая, обитая на зиму войлоком, она тяжело подается, сквозь щель влетает колкое морозное облако»...

События романа разворачиваются в 1930 году в небольшой деревне Республики Татарстан. Прототипом главной героини Зулейхи послужила бабушка писательницы Раиса Шакировна, работавшая

учителем русского языка в школе. Именно она учила внучку читать и писать, а попутно рассказывала истории из своей молодости, которые и легли в основу романа Яхиной.

Кроме Раисы Шакировны, источником достоверных сведений о периоде 1930-х годов XX столетия послужили мемуары и воспоминания людей, переживших ссылки, заключения в лагерях, а вот образ Упырихи (как называет Зулейха свекровь) списан с властной и своенравной прабабушки Гузель.

Сильна в романе любовная линия между главной героиней и комендантом лагеря Игнатовым, к которому девушка испытывает двойственные чувства. Именно он убил ее мужа тогда, в деревне, но саму Зулейху спас, когда она тонула вместе с другими заключенными, привезенными в ссылку на хлипкой барже. Вообще, образ Игнатова – самый удачный из описанных в романе. Очень интересна его эволюция из «пламенного стража революции» в человека, способного сопереживать и любить.

Гузель Яхина изобразила судьбы людей в книге очень ярко, персонажи получились живыми, настоящими. И дворянка Изабелла с мужем, и конечно, доктор Лейбе, сыгравший в жизни героини огромную роль. Нельзя не отметить глубокое, почти патологическое погружение в психологию героев романа, далеко не всегда здоровую. Примером могут послужить две ситуации – история Вольфа Лейбе, который попадает в лагерь в состоянии помешательства, после чего вернуть его к нормальной жизни помогают роды Зулейхи. Лейбе, бывший профессор гинекологии, в нужный момент приходит в себя и начинает действовать неожиданно профессионально. Перед этим идет долгое, на несколько страниц, описание его существования в состоянии сумасшествия. Он верил, что его накрывает загадочное «яйцо», пропускавшее сквозь скорлупу только то, что было доктору приятно и удобно. Интересно наблюдать и за развитием самой Зулейки. Из забитой девушки, которая истово молилась Аллаху и приносила жертвы дарам родного леса, боясь заходить дальше знакомых полянок, в ссылке героиня превращается в смелого охотника, отстреливая и волков, и медведей. А чего только стоят ее сны или, в переломные моменты, магические «визиты» Упырихи, оставшейся там, в родной деревне – яркие примеры символизма в романе.

Настоящей находкой стал татарский колорит в начале романа – обилие татарских слов, о значении которых можно легко догадаться из контекста. Гузель Яхина стала открытием года, номинация на

«Русский Букер» и победы в конкурсах «Ясная Поляна» и «Большая книга» – яркое тому подтверждение. В этом ей помогла не только детальная прорисовка характеров и психологии персонажей, но и богатый литературный язык. Кстати, «Большая книга» впервые присуждена писателю-дебютанту.

С выходом каждого хорошего романа о том смутном времени советской истории кажется, что в этой теме поставлена точка. Ну что можно сказать о лагерях нового после Солженицына и Шаламова, думает русский читатель? А потом появляется Прилепин с «Обителью». А теперь еще и Яхина с «Зулейхой». В этих двух романах главным козырем является психология героев. Оба автора показывают не столько человеку в лагере, сколько приспособление к ним, физическое и психическое. Успех дебютантки стал возможен благодаря яркому образу главной героини. Едва ли не впервые героиня романа о лагерях – женщина. Женщина, вырвавшаяся из домашнего рабства, предначертанного вековой обязанностью, и попавшая в рабство совершенно нового порядка – лагерное, тюремное, позвериному жестокое. Изрядно потрясает вывод романа – именно там, на забытом Богом островке земли она начинает ощущать себя по настоящему счастливой и свободной, отпуская свое прошлое. По правде говоря, главный феномен романа в том, что писался он о страшных временах коллективизации и раскулачивания, а получился в итоге – о любви и обретении себя в совершенно непригодных к этому условиях.

Темой следующего произведения, как рассказала в интервью Яхина, стал кризис самоидентификации личности.

Школьный учитель Якоб Бах, волжский немец, живет жизнью понятной и предсказуемой. Каждое утро он в шесть звонит в колокол, потом раскопчегаривает печку и прогревает класс к приходу учеников, к восьми подтягиваются сами ученики. Он учит их немецкой и русской речи, письму, чтению и арифметике. И так неделя за неделей, год за годом, каждый из которых «напоминает предыдущий и ничем особенным не выделяется».

Жизнь в деревне размеренная, среди местных жителей стоит отметить «свинокола Гауфа, мукомола Вагнера, дородного сына вдовы Кох и мужа Арбузной Эми, тощего Белля-без-Усов (был еще Белль-с-Усами, но такой злыдень, что к нему и соваться было боязно). Пока однажды странный посланник приносит Баху странное письмо. Некто Гримм просит прийти его на пристань. Дело есть. Бах

нехотя приходит, а там его ждет молчаливый киргиз. На лодке они отправляются на другой берег, где странный Гримм предлагает Баху стать репетитором его дочери Клары. Причем учить ее надо таким хитрым образом, чтобы не видеть, – Клара от педагога скрыта ширмой.

Другой берег Волги оказывается местом заколдованным, волшебным, из ка-кой-то страшной сказки. Из которой наш Бах в конце концов заберет Клару и станет оберегать ее от всего остального мира, «как жадный гном, трясущийся над золотом. Как Удо Гримм, пытавшийся отгородить дочь ширмой от всего света».

Но ничего хорошего героев не ждет. Мир Баха – это в некоторой степени мир «Грозы» Островского, замкнутый сам в себе, мало пересекающийся с внешним миром. И даже Первая мировая война на Бахе никак не отразится. А вот Гражданская война в России его заденет, сперва будто сошедшими с картин Брейгеля и Босха беженцами, бредущими по волжскому льду, а потом придет к нему прямоком на хутор, чтобы уничтожить его Вселенную. Но он выживет. У него другая, очень важная миссия, которая станет ясна лишь во второй трети книги.

«**Дети мои**» – необыкновенный роман, продолжающий любимую автором тему удивительного сплетения этносов, культур, народов, людских судеб, и при этом показала татарщину в себе, и в России, и, можно сказать, во всех нас». В этом романе пришло время другого исследования – трагических судеб, причудливого фольклора и жизненного уклада поволжских немцев, впоследствии разрушенного депортацией 1941 года. «Я хотела рассказать о мире немецкого Поволжья – ярком, самобытном, живом – о мире, когда-то созданном пришлыми людьми в чужой стране, а сегодня затерянном в прошлом. Но это еще и история о том, как большая любовь порождает страхи в нашем сердце и одновременно помогает их превозмочь».

После смерти жены Якоб Бах – российский немец, учитель в колонии Гнаденталь. Он давно отвернулся от мира, растит единственную дочь Анче на уединенном хуторе и пишет волшебные сказки, которые чудесным и трагическим образом воплощаются в реальность.

«Дети мои» – жизнеописание Якоба Ивановича Баха, неприметного и скромного шульмейстера (школьного учителя) из поволжской немецкой колонии Гнаденталь. Накануне революции с Якобом Ивановичем, уверившимся уже, что жизнь его навечно останется жиз-

нью архетипического «маленького человека», происходит важное событие: он без памяти влюбляется в юную Клару – дочку богатого хуторянина с противоположного берега Волги. Вопреки воле отца, желавшего увезти дочь в Германию, девушка сбегает с учителем, а после, отвергнутые прочими колонистами, влюбленные уединяются на зачарованном хуторе – как выясняется, навсегда.

Там, под сенью яблонь, на которых никогда не переводятся спелые яблоки, Клара родит дочь и умрет (если в этот момент вы вспомнили завязку водолазкинского «Лавра», то, в общем, правильно), а онемевший Якоб, оставшись в одиночестве с младенцем на руках, вынужденно начнет совершать вылазки во внешний мир, над которым за время его отшельничества пронеслось немало бурь. Там, в Советской республике немцев Поволжья, он найдет свое подлинное призвание (сочинять сказки, обладающие дивной и страшной способностью менять реальность), встретит достойного ученика (фанатика-горбуна Гофмана, приехавшего из Германии в Россию строить коммунизм), станет свидетелем великих свершений и великих бед, а в самом конце, выпустив в большой мир выросших детей (родную дочь Анче и приبلудного киргиза-приемыша Ваську), смиренно и благостно отправится в последнее странствие навстречу смерти.

В отличие от «Зулехи», читавшейся как более или менее достоверная история «про жизнь», «Дети мои» историческим романом даже не притворяются. С самого начала Якоб Иванович предстает перед читателем персонажем полуфантастическим, словно бы нечаянно забредшим в отечественную историю XX века с нехоженых троп толкиеновского Средиземья. Неслучайно же описывая, как герой устремляется навстречу судьбе и приключениям, Яхина заботливо уточняет, что он не забыл при этом захватить носовой платок – в отличие от растяпы Бильбо Бэггинса, который, как мы помним, выскочил из дома вслед за гномами без этого нужнейшего предмета. Аллюзий на Толкиена в романе вообще немало. Так, тишайшие немецкие колонисты, желая кому-то дурного, совершенно похоббитски говорят «раздери его дракон», и в целом Гнаденталь – тот же Шир: даже товарищу Сталину, прибывающему в Поволжье с какими-то неясными инспекционными целями, они видятся карликами, много меньше нормального человеческого роста.

Хутор, на котором проходит большая часть жизни Баха, обладает всеми при-знаками страны эльфов. Отсюда нельзя уйти по соб-

ственному желанию (Бах совершает такую попытку при первом визите, однако едва не гибнет и чудом не сходит с ума), сюда практически нет доступа извне, здесь даже в самые лихие и голодные годы не переводится рыба, яблоки, морковь и пшено, сундуки ломаются от причудливого старинного платья, а время течет не так, как на противоположном берегу. Даже Волга, отделяющая хутор от Гнаденталя, – это не наша привычная Волга, а магический поток между мирами, хранящий в себе память человечества и укрывающий души погибших.

Многokrатно запутавшись в магических подтекстах, а после из них выпутавшись, переплыв реку прилагательных и наречий, преодолев море поэтических образов, любовно выписанных деталей и прочих вербальных красот, читатель оказывается перед выводом: «в любых обстоятельствах человек имеет шанс прожить собственную жизнь со всеми ее горестями, радостями, обретениями и утратами».

Немой отшельник против воли становится демиургом, способным изменить окружающую действительность силой воображения. Но хранит ли этот дар его самого? Дано ли Якову написать собственную судьбу и спасти себя и своих близких? От всеразрушающей ярости, смятения, хаоса и жестокости едва ли спасают талант и любовь, но уповать в страшный час больше не на что. В конце прочтения понимаешь главное. Сила романа – в любви автора к своему скромному герою, иррациональной и потому пронзительной. И эта пронзительная любовь в новом романе не слабее любви Яхиной к Зулейхе.

Главный и основной ключ – это мифология и немецкие сказки, потому что весь роман ими буквально пропитан. Это явные отсылки – образы, которые знает каждый: ведьма с прялками, волшебный король, карлики и великаны, включая самых известных великанов в нашей стране. Есть менее известные образы, но также считающиеся: Белоснежка, Златовласка, Крысолов. Все эти образы представляют собой реалии ранних советских лет, и интересно найти эти пересечения. Например, кукуруза на колхозных полях золотится так здорово и ярко, будто в каждом початке сидит по Златовласке, а пшеница растет так мощно, будто под полями поселились гномы, которые куют золото, и это позволяет пшенице расти. А пионер, который поранил руку, роняет за собой капли крови, и они выстилают дорогу, указывают ее. Эта сказка ощущается в тексте, но не означает, что текст волшебный, потому что ни одного волшебного происшествия там нет, подобное происходит только в воображении главного героя.

Бах начинает сочинять сказки, чтобы расплачиваться ими за молоко для дочери. Сказки эти глава Гнадентале Гофман публиковал в местной газете и вывешивал на доске, расположенной в центре деревни, чтобы читали все жители. Сказки с огромным интересом сельчане прочитывали, они действовали на них, как и задумывал Гофман, воодушевляюще. В тот год, когда Бах писал сказки, а его земляки их читали, в Гнадентале родился богатый урожай, как на колхозной земле, так и в частных хозяйствах. Коровы щедро давали молоко, а жители вновь обрели свой прежний спокойный и довольный вид. Этот год Якоб Бах назвал Годом Небывалого Урожая. Здесь надо сказать, что каждый год получал у Баха свое наименование, а в конце книги читатель находит список – какому году соответствует то или иное наименование.

Бах писал очередную сказку и вскоре с удивлением обнаружил, что сказка переходит в реальность. Все положительные изменения в жизни сельчан Якоб относил на счёт своих сказок. Так, Годом Небывалого Урожая стал 1926 год. Но уже следующий год, 1927-й стал для Якоба Годом Плохих Предчувствий. 1928-й Якоб назвал Годом Спрятанного Хлеба, а 1929-й Годом Бегства. Как пишет Яхина, враз земля перестала плодоносить, коровы рожали мертвых телят, у них не было молока. Началось изъятие из крестьянских хозяйств зерна, началась кампания по выявлению кулацких хозяйств, к уголовной ответственности с конфискацией имущества были привлечены пятеро гнадентальцев. Вслед за этим последовал исход селян, те, кому удавалось, уезжали в Германию, люди заколачивали дома и убегали. Те, кто остался, чинили расправу над активистами, а затем страшно расправились с партторгом Гофманом.

Бах уже давно не писал сказки, но он продолжал приходить в Гнаденталь, видел как прекрасные изменения в немецкой колонии на глазах рушились. Когда же он стал невольным свидетелем расправы над Гоффманом, решил, что никогда больше не появится в Гнадентале. Бах был рад, что так и не привез Анче в деревню и вообще решил отгородить девочку от внешнего мира. Дочь, к которой он привязался всей душой, была тем единственным, что его держало в жизни. Самая большая сложность состояла в том, что девочка не говорила. Она не была глухонемой, но ей не от кого было научиться, дело в том, что давно не говорил Якоб, он так долго молчал, что утратил навык речи. Из его рта вырывалось только мычание, с Анче они и без слов понимали друг друга.

Однажды жизнь Якоба и Анче кардинально изменилась, изменилась она с появлением в доме Васьки. Имя Василий мальчишка беспризорник, киргиз по национальности, выбрал сам. Он проник в дом Баха в его и Анче отсутствие, забрал много продуктовых запасов и изрядно нарушил порядок в доме. Бах, конечно, его выследил и скорее всего мог выпроводит самозванного Ваську на все четыре стороны, но на улице шел сильнейший дождь и мальчишка задержался у хозяев на 7 дней. После дождей пошел снег, началась зима, и Васька поселился основательно. Так у Якоба Баха появился сын, глава книги, посвященная взаимоотношениям Баха, Анче и Васьки так и называется «Сын». Процесс привыкания Якоба Баха и Васьки друг к другу проходил очень сложно, но Бах обладал упорством и выдержкой, наконец, мальчишка начал помогать по дому, заготавливать дрова, работать в саду. В общении с Анче не было проблем, она сразу привязалась к Ваське. Он был первым и единственным человеком, кроме отца, с которым девочка могла общаться. Он же научил Анче говорить, правда, это был в основном жаргон улицы, нормальной речью девочке еще предстояло овладеть. Бах радовался, что у дочки появился друг, с которым она может разговаривать, дурачиться, играть в детские игры. В то же время Якоб ревновал дочку, он видел, что Анче отдаляется от него, что все ее внимание и интерес направлены на Ваську. Во взаимоотношениях Баха и Васьки было много проблем, летом мальчишка убежал из дома, манила бродяжья жизнь. Но осенью вернулся и остался совсем.

В один из дней к их берегу причалил комсомольский активист, Якоб как раз находился на берегу, чинил лодку. Активиста интересовало, есть ли у Баха дети, но Бах усиленно жестами показывал парню, что ему надо убираться восвояси. Неизвестно, чем бы закончился разговор, но на берег выскочили Анче и Васька и между ними и активистом состоялся разговор. По окончании этого разговора дети радостно сообщили отцу, что вместе с комсомольским вожаком едут в Покровск, в детский дом, не было никаких сборов, Анче и Васька тут же уплыли с неожиданным гостем.

Так Якоб Бах остался один, он перестал считать дни, его не интересовало, ка-кое наступило время года, он жил от поездки до поездки к своим детям в детский дом. С собой вез все, что дарил сад, особенно много привозил яблок. С радостью и грустью отмечал, что детям хорошо в этом государственном учреждении, они учатся, занимаются в различных кружках, находятся в коллективе сверстни-

ков. Всего этого Якоб Бах им дать не мог. Анче и Вася очень радовались при очередной встрече с отцом, но их общение длилось недолго, их почти всегда отзывали по каким-то важным делам.

В последней главе романа, которая озаглавлена «Дети», Бах занимается ремонтом дома, приводит в порядок сад. Это основательный ремонт, и поначалу кажется, что Бах это делает, чтобы скрасить одиночество, отвлечься от грустных мыслей. Постепенно выясняется, что свое жилище Якоб хочет преобразовать в детский дом.

Все дела земные, в том числе полный, основательный ремонт дома были окончены и автор книги описывает уход Якоба Баха из жизни. Это очень печальное и в то же время возвышенное повествование. Вся жизнь, все переживания и немногочисленные радости пронесли перед героем. Очень драматична сцена ухода Якоба Баха из жизни, он ушел в Волгу, с которой была связана большая часть его жизни.

В романе есть еще одна сюжетная линия, которая проходит параллельно основной и она имеет своего главного героя. Это эпизоды из жизни вождя всех народов – Сталина. Один из эпизодов связан с подписанием Сталиным постановления о реорганизации Немецкой коммуны в республику. Все существо Сталина противилось этому, но так завещал Ленин. В то время вождь еще не мог противостоять ленинскому завету. В следующих эпизодах Сталин уже полномочный хозяин в стране, все, что в ней происходит – выражение его воли, его указаний. Политика вождя в один год, да что там, в один день меняла жизни людей. Вот и немецкая колония Гнаденталь испытала все последствия политики вождя. Испытал и пережил все и маленький человек Якоб Бах.

По окончании романа в эпилоге мы узнаем, что человек по имени Якоб Иванович Бах существовал в действительности. Только в отличие от литературного героя он еще острее ощутил «прелести» правления вождя. В 1938 году был арестован, его отбывание срока проходило в Карлаге, работал в одной из шахт Казахской ССР. В 1946 году погиб при обвале в шахте.

Гнаденталь тоже существовал, все его население, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья, в сентябре 1941 года было выслано в Казахскую ССР. Из Поволжья в сентябре 1941 года было депортировано 438 человек советских немцев.

Анна Яacobовна Бах и Василий Васильевич Волгин тоже существовали и об их судьбе тоже рассказывается в эпилоге. Так что получается книга создана на доку-ментальном материале, что еще больше повышает ее ценность.

Произведения Г. Яхиной

84(2=411.2)6 Я905 998298 999314 1000748 Яхина, Г. Дети мои : роман / Г. Яхина ; предисл. Е. Костюкович. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. – 493, [1] с. – (Проза Гузель Яхиной). – ISBN 978–5–17–107766–2. – Текст (визуальный) непосредственный

84(2=411.2)6 Я905 999078 991389 1000749 Яхина, Г. Зулейха открывает глаза : роман / Г. Яхина. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019.– 508, [1] с. – (Проза Гузель Яхиной). – ISBN 978–5–17–090436–5. – Текст (визуальный) непосредственный.

Яхина, Г. Ночь: сценарий для чтения / Г. Яхина. – Текст (визуальный) непосредственный // Октябрь. – 2016. – № 8. – С. 6–11.

Литература о жизни и творчестве Г. Яхиной

Абашева, М. Книга как симптом. Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» / М. Абашева. – Текст (визуальный) непосредственный // Новый мир. – 2016. – № 5. – С. 17.

Арзямова, О. Языковая личность писателя-билингва и её отражение в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / О. Арзямова. – Текст (визуальный) непосредственный // Слово. – 2015. – № 16. – С. 38–40. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25446470> (дата обращения: 22.03.2021).

Беляков, С. Гулаг как путь к освобождению? : роман «Зулейха открывает гла-за» Гухзели Яхиной – победитель конкурса «Большая книга» / С. Беляков. – Текст (визуальный) непосредственный // Библиотечное дело. – 2015. – № 21 (255). – С. 43–44.

Бирюкова, И. Между сказкой и реальностью : о романе Гюзели Яхиной «Дети мои» / И. Бирюкова. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2018. – № 11. – С. 228–229.

Богумил, Т. Мотив охоты в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Т. Богумил. – Текст (визуальный) непосредственный // Культура и текст. – 2020. – № 1 (40). – С. 46–52.

Богуславская, О. Черные начинают и выигрывают: о ГУЛАГе спустя восемь-десять лет / Богуславская О. – Текст (визуальный) непосредственный // Знамя. – 2017. – № 3. – С. 183–186.

Тема государственного террора в романах «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Авиатор» Е. Водолазкина, «Обитель» З. Прилепина, «Сахарный ребенок» О. Громовой.

Гареева, Р. Языковая художественная картина мира татарского народа в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Р. Гареева Р. – Текст (визуальный) электронный // Успехи современной науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 13–16. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28401854> (дата обращения: 22.03.2021).

Герасимова, Т. Репрезентация национального характера в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Т. Герасимова. – Текст (визуальный) электронный // Аллея науки. – 2019. – № 10 (37). – С. 244–250. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28401854> (дата обращения: 22.03.2021).

Жучкова, А. Поединок жизни со смертью на страницах современного романа / А. Жучкова. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2016. – № 5. – С. 67–80.

Колядич, Т. Своеобразие структуры романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Т. Колядич. – Текст (визуальный) электронный // Наука и мир. – 2018. – № 2 (54). – С. 31–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43065562> (дата обращения: 22.03.2021).

Крылысова, О. Роман Г. Яхиной «Дети мои» в оценке критики / О. Крылысова. – Текст (визуальный) непосредственный // Вестник науки. – 2020. – № 2 (23). – С. 55–61. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42221577> (дата обращения: 22.03.2021).

Кудрин, О. Оптимизм в прошедшем времени: шорт-лист Русского Букера – 2015 : А. Ганиева, В. Данихнов, Ю. Покровский, Р. Сенчин, А. Снегирев, Г. Яхина / О. Кудрин. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2016. – № 4. – С. 7–33.

Кумышева, Л. Этногендерный аспект романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Л. Кумышева. – Текст (визуальный) электронный // Литературное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 19–21. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29953291> (дата обращения: 22.03.2021).

Максимова, Н. Межтекстовые связи в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Н. Максимова. – Текст (визуальный) непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (58). – С. 89–95.

Моисеева, Е. Гузель Яхина: «Зулейха открывает глаза» / Е. Моисеева. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2017. – № 1. – С. 24–32.

Нестерова, О. Хронотоп сказки в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» / О. Нестерова. – Текст (визуальный) электронный // Обсерватория культуры. – 2019. – № 6. – С. 584–594. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41565368> (дата обращения: 22.03.2021).

Никонова, Н. Изучение современной малой прозы о Великой Отечественной войне в 11 классе (на примере рассказов Г. Яхиной и А. Слепцова) / Н. Никонова. – Текст (визуальный) электронный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3 (82). – С. 56–57. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43412714> (дата обращения: 22.03.2021).

Павлова, Н. Поэтика визуальности в романе Г. Яхиной «Дети мои»: к вопросу о феномене литературного языка / Н. Павлова. – Текст (визуальный) электронный // Культура и текст. – 2018. – № 3 (34). – С. 52–66. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36468503> (дата обращения: 22.03.2021).

Погорелая, Е. Человеческое, слишком человеческое? / Е. Погорелая. – Текст (визуальный) электронный // Вопросы литературы. – 2016. – № 3. – С. 139–150. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26169127> (дата обращения: 22.03.2021).

Пустовая, В. Большой роман с вишенкой / В. Пустовая. – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2016. – № 3. – С. 125–138.

Путило, О. Трагедия народная и трагедия личная в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / О. Путило. – Текст (визуальный) непосредственный // Литература в школе. – 2018. – № 11. – С. 35–39.

Разживин, А. Включение произведений современной русской литературы в круг чтения старшекласников. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / А. Разживин. – Текст (визуальный) электронный // Энигма. – 2019. – № 10-1. – С. 10–16. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39489232> (дата обращения: 22.03.2021).

Розин, В. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» / В. Розин. – Текст (визуальный) электронный // Культура и искусство. – 2018. – № 10. – С. 79–87. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36356876> (дата обращения: 22.03.2021).

Савкина, И. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / И. Савкина. – Текст (визуальный) непосредственный // Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 3-4. – С. 22–25.

Салимова, Д. Образ российского немца в русскоязычной литературе (на примере текста автора-татарки) / Д. Салимова. – Текст (визуальный) электронный // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 2 (30). – С. 130–135. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29801055> (дата обращения: 22.03.2021).

Сергеева, Е. «Традиционная» образность как критерий художественности литературного текста (на материале романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») / Е. Сергеева. – Текст (визуальный) элек-

тронный // Филология в XXI веке. – 2019. – № 1. – С. 259–263. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39555647> (дата обращения: 22.03.2021).

Сунь, Ц. Коммуникативно-социальный опыт женщины в пространстве традиционной культуры (на примере произведений Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лу Синя «Моление о счастье») / Ц. Сунь, О. Нестерова. – Текст (визуальный) непосредственный // Человек. – 2019. – № 4. – С. 156–175. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39177555> (дата обращения: 22.03.2021).

Чотчаева, М. Художественные особенности изображения женского национального характера в условиях несвободы (на примере произведения Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») / М. Чотчаева, И. Ключникова. – Текст (визуальный) электронный // Филологические науки. – 2019. – № 5. – С. 37–41. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37402398> (дата обращения: 22.03.2021).

Щукина, Д. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его экранизация / Д. Щукина. – Текст (визуальный) непосредственный // Наука и культура России. – 2020. – Т. 1. – С. 145–148.

Яхина, Г. «Мне нравится складывать истории» / беседу вела А. Каримова. / – Текст (визуальный) непосредственный // Вопросы литературы. – 2016. – № 3. – С. 151–159.

г. Благовещенск
ул. Ленина, 139
тел: + 7 (4162) 23-73-90
e-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru

ok.ru/libamur
vk.com/libamur
[instagram.com/amurlib](https://www.instagram.com/amurlib)
facebook.com/groups/libamur